

A classical oil painting of a woman, Anna Bersenova, shown from the chest up. She has voluminous, wavy brown hair and is looking upwards and to the left with a contemplative expression. Her face is illuminated by a soft, warm light, contrasting with the dark, shadowed background. She is wearing a dark garment with a light-colored, possibly fur or lace, collar. The brushwork is visible, giving the portrait a textured, painterly quality.

Анна Берсенева

Рената Флори

Анна Берсенева
Рената Флори

«Анна Берсенева»

2010

Берсенева А.

Рената Флори / А. Берсенева — «Анна Берсенева», 2010

ISBN 978-5-699-37038-2

Сильные чувства – удел молодости. А когда молодость проходит, ничего необычного ожидать обычной женщине уже не приходится. Работа – дом – работа... В этом привычном кругу и живет Рената Флори с тех пор, как ее дочь вышла замуж и уехала в Америку. О сильных чувствах Рената давно уже думать забыла: и характер у нее сдержанный, и работа в роддоме не оставляет времени для отвлеченных размышлений. И вдруг чувства врываются в ее жизнь как вихрь и все в ней меняют. Вместо стройного Петербурга – размашистая Москва, вместо одиночества – калейдоскоп необыкновенных лиц и событий. И неужели все это – лишь случайное стечение обстоятельств?

ISBN 978-5-699-37038-2

© Берсенева А., 2010
© Анна Берсенева, 2010

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	37
Глава 10	40
Глава 11	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анна Берсенева Рената Флори

Дорогой читатель Литрес!
Я стараюсь писать свои
книжки так, чтобы мне самой
интересно было их читать.
Пусть будет интересно и
Вам.

т. Со
(Анна Берсенева)

Часть первая

Глава 1

Дежурство закончилось так рано, что город еще не был виден в утренней полумгле. Он лишь угадывался, и то не видом своим, а обликом – смелостью и стройностью. И близостью большой воды, свободного холодного пространства.

Конечно, Рената не думала обо всем этом вот так определенно, отчетливо. Она до того устала после дежурства – все мамочки зарожали под утро, одновременно, будто по команде, – что передвигалась в этом пространстве – конечно, и смелом, и стройном, и свободном – машинально, совсем его не замечая.

Она вышла из больницы и направилась по Второй линии к метро. Когда-то в детстве она и жила здесь, на Васильевском, и родители ее здесь жили, и бабушка с дедушкой, и все поколения семейства Флори с тех самых пор, как судьба занесла их в Россию, в стройный город Петербург. Но когда Рената училась в третьем классе, их коммуналку расселили и жильцам дали квартиры в Озерках. Кажется, об этом никто и не горевал. Во-первых, что же горевать, если все равно ничего не изменить – выселяйся куда велели; тридцать лет назад никому и в голову не могли прийти иные мысли. А во-вторых, ванна, которая не стоит посередине кухни, отделенная от газовых плит клеенчатой занавеской, а располагается в отдельной ванной комнате, а значит, в ней можно мыться в любое время дня и ночи, притом без очереди, – это было такое очевидное благо, обсуждать которое казалось, право же, странным.

В эту самую ванну Рената и мечтала теперь погрузиться. А потом немедленно уснуть. Способность не спать сутками, приобретаемая всеми медиками еще в институте, с недавних пор стала ее подводить. Не всегда, правда, но все же. Возраст, видимо, такой подошел. Рената думала о своем возрасте спокойно, без надрыва и без присущего большинству женщин страха.

Так что по сторонам она не смотрела и ничего вокруг не замечала. Только Нева была огромна, как вздох, ее невозможно было не замечать даже в тусклых февральских утренних сумерках.

В вагоне Рената задремала, но проснулась ровно за две минуты до своей станции. С тех пор как в Озерки пустили метро, жить здесь стало удобнее.

В хлебном киоске возле дома она купила сдобную булку. Утром всегда были свежие, даже теплые еще, и она всегда покупала здесь сдобу – после дежурства для себя или по дороге на работу к общему чаю.

Уходя вчера в больницу, Рената поменяла постельное белье, и теперь, после ванны, с удовольствием вытянулась на свежей простыне.

«Это ли не блаженство?» – сонно подумала она.

Конечно, это было именно блаженство: прийти с любимой работы, чувствуя толковую усталость ума и тела, принять ванну и со спокойным сердцем уснуть в чистой, теплой постели.

И она закрыла глаза, улыбнулась и уснула.

Телефон зазвонил, кажется, ровно через минуту после этого. Рената быстро села на кровати. Она никогда не отвечала на звонки лежа, потому что обычно это бывали какие-нибудь срочные больничные вопросы, отвечать на них надо было внятно, а резкое движение помогало быстро вынырнуть из сна и поставить голову на место.

– Рената Кирилловна! – Голос Антона звучал растерянно. – Ирка родила.

– Как родила? – Невозможно было, кажется, задать более глупый вопрос! – Когда?

– Да сейчас. Только что. Утром забрали, к вечеру родила.

Все правильно, в Нью-Йорке сейчас именно вечер. Но рожать-то Ира должна была только через месяц!

– Антоша, но почему же вдруг? – воскликнула Рената. – Что с ней случилось?

– Ничего не случилось, – пробормотал зять. – Пошла утром умыться, ой, говорит, рожаю... Ну, и забрали ее.

– И... как? – с замиранием сердца спросила Рената.

– Что – как?

Все-таки Антон иногда производил впечатление клинического идиота, несмотря на весь свой математический талант!

– Дети как?!

– А!.. Дети здоровы, – тем же растерянным тоном ответил зять. – Только маленькие какие-то. Мальчик килограмм и четыреста граммов, а девочка килограмм и двести. Их под колпаками держат, – зачем-то уточнил он.

– Это нормальный вес на таком сроке. Для двойни даже хороший.

Рената постаралась, чтобы ее голос прозвучал спокойно. Не для Антона постаралась, а для себя: она так испугалась, что ей больше надо было успокоиться, чем зятю, который, кажется, даже и не понял, насколько опасны роды на восьмом месяце беременности.

– Ирка спит, – предупреждая ее вопрос, сообщил он. – И сказала, чтобы я вам позвонил, что врачи сказали, что все в порядке, а сама она потом позвонит, когда отоспится.

– Хорошо, – вздохнула Рената. – А ты их видел?

– Врачей?

– Детей!

– Ну да, – ответил Антон. Теперь тон у него был не растерянный, а опасливый. – Они страшные вообще-то. На людей не очень похожи.

– Ладно-ладно, – улыбнулась Рената. – В зеркало почаще смотри. Поздравляю, папаша!

– И я вас тоже, – вяло ответил Антон.

Расспрашивать его еще о чем-нибудь было явно бессмысленно. Пусть приходит в себя и привыкает к новому своему положению. О том, что к новому положению надо привыкать и ей, Рената как-то не думала. Может, потому что внуки родились так далеко от нее. Да нет, скорее по всегдашней своей готовности к любым переменам участи.

Вообще-то это было странно, такая вот готовность. Все-таки жизнь ее текла так ровно и даже однообразно, что любое мало-мальски значимое событие должно было бы производить эффект разорвавшейся бомбы.

А может, удивляться такому своему качеству как раз и не приходилось, и именно по этой причине – из-за привычки к ровному течению времени и событий. Когда живешь в таком течении не год, не два, а практически всю жизнь, то и жизнь свою воспринимаешь уже соответствующим образом. Ну и характер у нее сдержанный, конечно. Обычный петербургский характер.

«Что ж, поздравляю себя, бабушка, – подумала Рената. – Пусть растут здоровыми».

Она снова легла, закрыла глаза. Но сна уже не было, хотя столь значительное событие вошло в ее жизнь так естественно и просто, словно бабушкой она была всегда.

Пространство Невы у стрелки Васильевского острова, точеный рисунок ее берегов, прекрасная вереница зданий вдоль них встали на темном экране закрытых глаз. И отчего вдруг? Непонятно.

«Надо торт купить на работу, – подумала Рената. – И вина. Нет, шампанского. И коньяка. Отпразднуем».

Это были очень простые, очень будничные мысли. Но кто сказал, что простота мыслей – это плохо?

Глава 2

Рената не знала, чего больше в ее отношении к работе – любви или привычки. Ежесекундную любовь к делу, которым профессионально занимаешься почти двадцать лет кряду, она считала неуместной и даже неприличной экзальтацией. Но и рутинной ее работа ей не казалась. Пожалуй, работа была похожа на небо – вот это, низкое, февральское: сплошная серая мгла, и вдруг просвет, и мелькает в нем что-то ясное, неожиданное и, прежде чем исчезнуть, успевает коснуться сердца.

Впрочем, это было слишком возвышенно, так думать, и Рената так не думала. Тем более что работа, как к ней ни относиться в общем смысле – в смысле простом, повседневном, – оставляла мало времени для посторонних размышлений.

Зданию, в котором Рената работала, было без малого триста лет, и двести из них в нем располагалась клиника для родовспоможения и исцеления женских болезней. Именно так было написано в завещании, которое оставила владелица особняка, передавая его городу.

За триста лет дом, конечно, сто раз перестраивался, все более толково приспособляясь под нужды больницы. Но все равно и снаружи, и изнутри он оставался, безусловно, старинным, каким-то образцово старинным – с высокими окнами, арочными дверными проемами и сводчатыми потолками. Такая старообразность мешала ему считаться привилегированным роддомом: для этого зданию не хватало современного лоска. Но старые петербуржцы, то есть еще ленинградцы, отправляли своих дочек, внушек и уже даже правнучек рожать именно сюда: у клиники было доброе имя, все знали, что здесь работают толковые и опытные врачи, и для понимающего человека интерьеры при этом не имели значения.

Рената как раз и была таким врачом, толковым и опытным. И в клинику на Второй линии Васильевского острова она пришла работать сразу после института. К тому же она происходила из настоящей врачебной династии – прежде в этой же клинике работала ее мама, Анна Васильевна Флори, к которой женщины приезжали рожать со всех концов города, обходя ради этого любые препоны в виде обязанности производить на свет детей исключительно по месту прописки.

Мама, кстати, и родилась в этой же самой клинике во время блокады, и роды у бабушки принимал супруг, Василий Андреевич Флори. Он тоже был врачом этой клиники и специально вырвался на несколько часов из госпиталя, в который его перевели в военное время.

О том, что у Ренаты родились внуки, все отделение каким-то загадочным образом узнало, кажется, еще до того, как она явилась на работу.

– Ну что вы пристали к несчастной женщине? – увещевала потянувшихся с поздравлениями коллег пожилая акушерка Мария Анисимовна. – Ну, бабка она теперь. И с вами то же самое будет.

Рождение внуков решили отметить так, как отмечали в отделении все подобные события, как отмечают их в тысячах больниц, институтов, детских садов, библиотек и прочих интеллигентных учреждений – чаем с тортом и легкой дневной выпивкой.

– Сковородников не вернулся? – спросила Рената, нарезая большой, в сливочных узорах, торт.

Павел Андреевич Сковородников заведовал клиникой, а Рената была его заместительницей. С утра его вызвали в горздрав, и она не успела пригласить его на торжество.

– Вернулся, – ответила Лиза Антонова. – Минут пятнадцать назад подъехал.

Лиза работала медсестрой, но все новости знала лучше любой секретарши.

– Пойду его позову, – сказала Рената.

Кабинет заведующего находился в самом конце длинного коридора. Старинная сущность здания была в этом кабинете особенно заметна: он напоминал ту комнату дома Льва Толстого,

которая называлась комнатой под сводами; это сходство все отметили, когда персонал клиники возили когда-то давным-давно в Ясную Поляну на экскурсию.

Сковородников стоял у своего стола и раскладывал какие-то бумаги – наверное, те, что привез из горздрава. Вид у него при этом был недовольный: он умел общаться с начальством, но не любил. Он вообще не любил ничего, что отвлекало его от двух вещей – от работы и от приятных посиделок в хорошей компании.

– Привет, – сказал он, поднимая глаза на вошедшую в кабинет Ренату. – Садись. Я сейчас.

– Я на минутку. – Ни садиться, ни даже проходить к столу она не стала. – Зайдешь к нам на чаек?

– А что за событие? – не отрываясь от бумаг, поинтересовался он.

– Событие. Ирка моя родила.

– Ну да! – ахнул Сковородников. – Ничего себе! Что ж ты молчишь?

– Я не молчу, – улыбнулась Рената. – Вот, приглашаю отпраздновать. Торт принесла по такому случаю.

Сковородников покрутил головой.

– Ну ты даешь! Так говоришь, как будто их у тебя десяток, внуков. По такому случаю напиваться полагается. Зеркала в ресторанах колотить. Рыдать.

– Почему же рыдать? – пожала плечами Рената.

– Ну, или хохотать. Выражать, в общем, эмоции. А ты – торт, чаек...

– Для тебя есть коньяк.

– Да это я так, к слову. Дело не в напитке.

– Приходи, Павел. – Рената открыла дверь и обернулась у порога. – Всё уже на столе.

– Сейчас иду.

Он смотрел ей вслед, возвышаясь над столом. Он и раньше, в молодости, был массивный – не толстый, а вот именно тяжеловесный, внушительный, – а сейчас, с годами, это стало в его внешности определяющим. Он производил солидное и респектабельное впечатление.

«Как странно! – подумала Рената. – Ведь какое отчаяние было, и счастье какое, и горе... И ничего не осталось. Кто бы мне тогда сказал, что все без следа пройдет, совершенно пройдет – не поверила бы».

– Иду, – повторил Сковородников, видимо, заметив, что она замешкалась в дверях.

И она вышла из кабинета. Все-таки эта мысль была слишком неожиданной и мимолетной, чтобы ее задержать. Так – мелькнула на мгновение и исчезла без следа.

Вечером пришлось задержаться: тяжело рожала Старцева. Таз узкий, родовая деятельность слабая, и, конечно, надо было сразу кесарить, но Рената почему-то замешкалась, и оперировать стало уже невозможно. То есть она сама была виновата в том, что возник ненужный риск, и, конечно, не могла уйти, пока Старцева не родила.

Впрочем, задерживаться после работы, и надолго, приходилось едва ли не каждый день, к этому Рената привыкла, и то, что ей не надо спешить домой, было для ее работы очень удобно.

Со Сковородниковым она столкнулась в дверях.

– А ты что так поздно? – удивилась Рената.

Павел Андреевич давно уже не занимался врачеванием – перешел на административную деятельность, в которой оказался весьма успешен. И на работе он обычно не задерживался.

– Да так, дела бумажные, – сказал он. – Подвезти тебя?

Рената уже открыла было рот, чтобы отказаться. Ей хотелось прогуляться, хотя бесцельных прогулок она вообще-то не любила. Ходить ежедневно по три часа или по три километра просто так, ради моциона, казалось ей странным. Но любую обоснованную возможность подышать воздухом она старалась использовать. Вот, например, пройтись от больницы до метро.

– Подвези, – неожиданно для себя сказала она.

Рената и сама не поняла, почему вдруг так ответила Сковородникову. Это было что-то сродни ее сегодняшней мимолетной мысли – о странности того, что чувства, даже очень сильные, проходят бесследно.

Машина у Павла Андреевича была новая, японский джип, притом, как сразу после его приобретения заметила всезнающая Лизочка, очень интеллигентный.

– Как это машина может быть интеллигентной? – удивилась тогда Рената.

– Очень даже может, – уверила Лиза. – Большая машина вообще-то почти всегда неинтеллигентная. А у Сковородникова, обратите внимание, и солидная, и вместе с тем не жлобская. Богатством в глаза не бьет.

Вероятно, она была права. Павел Андреевич всегда отличался хорошим вкусом и всегда умел производить должное впечатление, не используя дешевых эффектов. Дорогую машину ему, конечно, купила жена. У нее был свой бизнес, что-то строительное, и за достаток в семье отвечала она. Это позволяло Сковородникову спокойно заниматься любимой работой, не влезая в сомнительные авантюры, и вообще вести тот образ жизни, который ему нравился – без экономии, которую он считал для своих лет уже неприличной, но и без пошлых излишеств.

– Ну как, бабушка, привыкла уже к новому статусу? – поинтересовался Сковородников, когда Рената села в машину.

– А я как-то, знаешь, сразу привыкла. Как будто всегда так и было.

– Да, ты такая, – кивнул он.

Машина тронулась с места.

– Какая?

Рената недоуменно взглянула на него.

– Ну, не знаю... Спокойная. Завидую тебе.

– Ты тоже как будто бы не холерик.

– Обозлиться, однако же, могу. Если что, по столу кулаком бабахну. А ты в любой ситуации только плечами пожмешь.

– Каждому свое, – пожала плечами Рената.

– Это да.

Некоторое время они молчали. Город проплывал за окном сплошной небесной линией – дома стояли вплотную друг к другу, и лишь в арках темнели пустые колодцы дворов. Рената рассеянно следила за этим гармоничным чередованием линий и пустот.

– А куда это мы едем? – встрепенулась она наконец.

– В Озерки. Я же сказал, подвезу.

– Я думала, до метро.

– У тебя сегодня праздник, почему не домчаться с ветерком?

– Что ж, спасибо.

– Как Старцева родила?

– Благополучно.

Пять минут они поговорили о родах Старцевой и еще одной женщины, которую пришлось оперировать, потом о новом оборудовании для родзала, которое Сковородников сегодня добыл в горздраве. Все это было важно, и у Ренаты не было ощущения, будто они с Павлом Андреевичем уходят от какого-то более насущного разговора.

Наверное, и у него такого ощущения не было тоже. Но когда машина остановилась возле Ренатиного дома, он спросил:

– Может, пригласишь на чаек? Посидеть хочется, поболтать.

Это прозвучало с таким легко читающимся мужским умыслом, что Рената удивилась. А потом улыбнулась.

– Не выдумывай, Павел, – сказала она.

– Что это я, по-твоему, выдумываю? – искренне возмутился он.

– Все. Чаек не коньяк, ты к нему равнодушен. А к болтовне со мной, да еще ночью, равнодушен тем более. Так что езжай домой. Спасибо, что подвез.

– Ну ладно, – кивнул он. – Спокойной ночи.

В его голосе не послышалось ни обиды, ни даже удивления. Конечно, он поинтересовался, нельзя ли к ней зайти, просто так, на всякий случай. Не очень-то и хотелось, но привык не упускать такого рода возможностей. Сковородников не произносил вслух циничных пошлостей вроде той, что некрасивых женщин не бывает, а бывает мало водки, но Рената знала, что, по сути, он с этим утверждением согласен.

Она посмотрела вслед машине, выезжающей со двора. В самом деле, солидный и довольно элегантный автомобильный силуэт. В последний раз мелькнули у поворота разноцветные огни; Рената вошла в парадное.

Она видела Сковородникова каждый день, но почему-то именно сегодня его вид вызвал у нее странное недоумение. Наверное, рождение внуков все-таки выбило ее из привычной колеи, обострило чувства. Конечно, именно так – Рената умела смотреть на себя со стороны и понимала теперь, что не ошибается.

«Нет, не чувства, – мысленно уточнила она. – Просто память. Да, память всколыхнулась».

Глава 3

– Конечно, армия тебе не грозит, – говорила мама, – но все-таки хорошо, что ты рано поступила. У девочек, знаешь ли, тоже времени в обрез. Детей, я уверена, рожать надо в молодости. Значит, чем раньше ты получишь образование, тем лучше для твоего и их здоровья.

Все это говорилось потому, что Рената окончила школу в неполные шестнадцать лет. Все время, что она училась, вся родня корила маму за то, что она позволяет девочке перешагивать через классы, то есть неизвестно ради чего лишает ребенка детства. А Ренату это совсем не угнетало. Она точно так же, как мама, не понимала, зачем скучать в пятом классе, если легко решаешь задачки за седьмой и уже прочитала «Евгения Онегина». И точно так же она не понимала, почему родственники считают, будто бы в шестнадцать лет ей не хватит усидчивости, чтобы учиться в таком трудном вузе. Рената занималась сутки напролет, и ей даже в голову не приходило, что это может быть иначе. Если ты вырос в семье врачей, притом настоящих врачей, не халтурщиков, то с детства знаешь, что медицина – это не шутка и учиться ей спустя рукава нельзя.

В общем, она была целеустремленная девочка, окончила школу с золотой медалью и в мединституте шла на красный диплом.

И только на последнем, шестом курсе ее целеустремленность несколько поколебалась, притом по самой простой, даже банальной причине: у Ренаты появился мальчик. То есть не мальчик, а парень. То есть друг, то есть не просто друг, конечно...

Коля перевелся к ним из московского Первого медицинского, и сначала она даже не заметила этого события. Ну, появился среди однокурсников новый молодой человек, так ведь она не школьница, чтобы так уж сильно интересоваться новеньким. И когда после экзамена по внутренним болезням – труднейшего экзамена, вымотавшего ее так, что она света божьего не видела, – этот новенький вдруг предложил ей пойти вместе в кафе и отметить событие, Рената даже не поняла, в чем дело.

– Мы все идем? – переспросила она. – Всей группой?

– Почему всей группой? – невозмутимо заметил Коля. – Мы идем вдвоем.

– Как вдвоем? Ты и я? – совсем уж глупо уточнила Рената.

– Именно. Ты и я.

– А почему? – растерянno произнесла она.

– Потому что мне приятно будет посидеть с тобой в кафе, – объяснил он. – Надеюсь, тебе тоже.

Это в самом деле оказалось приятно. Мало сказать приятно! Рената даже про экзамен забыла, то есть про свою усталость. Какая усталость, когда тебя смешат и развлекают, и вот именно тебя развлекают, и заботятся, чтобы именно тебе было смешно! Такое происходило в ее жизни впервые – она всегда была слишком уж правильная, и мальчишки никогда не обращали на нее внимания, – поэтому Рената была не то что удивлена, а просто потрясена.

Коля рассказывал, чем, по его мнению, отличается Ленинград от Москвы, и наблюдения его на этот счет казались Ренате не просто интересными, а изумительно точными.

– Никогда не думал, что питерцем стану, – говорил он. – Но родители насовсем сюда перебрались, ну и я решил с ними. Все-таки они в годах уже, а я у них единственный. Да и что такого? Не в Урюпинск же.

Его отца перевели в Ленинград заведовать каким-то засекреченным предприятием, и Ренате казалось правильным, что Коля не захотел оставить родителей на старости лет в одиночестве. Это было как-то очень по-мужски, и вообще он был очень хороший. И еще он был очень красивый... Такой стройный, спортивный, с яркими черными глазами. Даже непонятно, почему он обратил на нее внимание – Рената не обольщалась насчет своей внешности, пони-

мая, что главной ее приметой является абсолютная неприметность. Таковую, как она, можно было бы отправлять шпионкой во вражеский тыл: она сливалась с любой толпой. Впрочем, кажется, это мужчины-шпионы должны сливаться с толпой, а женщины, наоборот, должны быть яркими, эффектными и роковыми, как Мата Хари.

«Что за глупости в голову лезут!» – успела подумать Рената.

И тут Коля пригласил ее танцевать, и из головы у нее вылетели не только глупости, но и все мысли вообще. Как он обнял ее, когда они вышли на предназначенный для танцев пятачок! Так крепко, даже к себе прижал, а вместе с тем так деликатно... Наверное, это и называлось нежностью, мужской нежностью, хотя, конечно, Рената не могла этого знать наверняка.

Но и того, что она знала о себе, с лихвой хватило, чтобы понять, что ей понравился Коля и что ее чувство взаимно. Притом не просто взаимно, а как-то... равновелико, да, именно так. Их чувства друг к другу вспыхнули одновременно и горели равным огнем. Равным и ровным.

Она понравилась и Колиным родителям, хотя они считали, что в его возрасте жениться рановато. То есть они, конечно, не сказали этого Ренате, потому что были интеллигентными людьми, но она все же догадалась об их мнении по нескольким косвенным и, возможно, случайным разговорам.

– Вот это Инна, моя сестра. Она вышла замуж в восемнадцать лет, – рассказывал Колин папа, когда, придя однажды в гости, Рената рассматривала семейный альбом, пока Коля бегал в магазин за свежим хлебом к обеду. – Даже для женщины рановато, а у нее к тому же и супруг был ровесником.

Рената хотела спросить, что значит «супруг был» – брак распался? Но постеснялась спросить.

И еще несколько было такого рода высказываний по разным поводам. Но что же она могла сделать? Они с Колей любили друг друга, и он почти сразу предложил ей выйти за него замуж.

Пожениться решили уже после экзаменов: пока готовились к ним, пока сдавали, было не до свадьбы. Да и так ли важна свадьба? Ведь фактически они уже стали мужем и женой.

Это событие, такое огромное, которое должно было, казалось, сотрясти основы жизни, прошло для Ренаты как-то очень естественно, даже просто. Как будто всегда она лежала в обнимку с Колей на диване в гостиной его родителей – был день, и диван они раскладывают не стали, да и странно было заниматься этим в разгар ласк и поцелуев, но это оказалось даже хорошо, потому что на узком ложе их объятие было особенно тесным: она лежала и радовалась, что все это произошло именно с ним, с любимым человеком.

Само же по себе это «все» показалось ей довольно невнятным, но, как медик, к тому же акушер-гинеколог, она прекрасно знала, что первый интимный контакт и не может быть другим, особенно у молодой девушки. Это всегда бывает сначала либо больно, либо в лучшем случае не слишком приятно, а потом все наладится, потому что они с Колей любят друг друга.

– Ты теперь моя жена, – сказал Коля.

Нежность смешалась в его голосе с удовлетворением. Он был счастлив, и Рената тоже. Поэтому необходимость отложить свадьбу несколько ее не угнетала.

Интернатуру после института она, конечно, решила проходить в мамином роддоме. Правда, мама там уже не работала: после того как папа погиб в автокатастрофе – Рената тогда училась на втором курсе, – у мамы случился инфаркт, и на пенсию она вышла ровно в пятьдесят пять лет, хотя и сама, и все ее коллеги прежде думали, что она будет работать до старости. Но в роддоме, конечно, помнили Анну Васильевну Флори, и к дочке ее отнеслись с совершенной доброжелательностью. А некоторые так даже и деда Ренатиного помнили: врачи, и медсестры, и санитарки работали в этой клинике подолгу, бывало, что и всю жизнь.

Доктор Сковородников, правда, работал в клинике недавно.

– Но про маму твою много слышал, – сказал он Ренате. – И про деда тоже. Легендарные личности!

Это было в ее первый рабочий день, во время обеда. Врачей кормили больничной едой, многим она казалась чересчур легкой, и они приносили из дому что-нибудь более сытное. Но Рената в свой первый день была так взволнована, что у нее вообще не было аппетита.

Сковородников сразу это заметил.

– Да ты не волнуйся так. – Он улыбнулся. – Вон, раскраснелась даже. Все у тебя получится. Если что, обращайся, всегда помогу.

Улыбка у него была такая открытая, что Рената в самом деле почти успокоилась и посмотрела на него с благодарностью. Что он всегда поможет, сомневаться не приходилось. Даже в том, как ел этот доктор, представившийся без отчества, Павлом, чувствовалась такая надежность, что ему сразу хотелось верить. К тому же он в самом деле был опытный – в этот-то роддом пришел недавно, но стаж у него был уже немаленький, десять лет.

В тот самый первый день он принимал трудные, с поворотом, роды, и Рената ему помогала. То есть, кажется, это он помогал ей помогать, потому что она все же волновалась, но, когда все кончилось благополучно и роженицу с ребенком увезли из родзала, Павел похвалил ее:

– Будет из тебя толк. Чутье есть, рука твердая. Опыта наберешься, и все наладится. Со временем заместительницей моей будешь!

И снова улыбнулся своей хорошей улыбкой. В том, что все так и будет, как он говорит, невозможно было сомневаться, хотя непонятно было, как Рената станет его заместительницей, если никакой он не начальник, а просто врач.

Уже дома, когда она рассказывала, как прошел первый рабочий день, и про Павла Сковородникова тоже рассказывала, мама заметила:

– А что ты думаешь, так и получится. Ирина Аркадьевна на пенсию выйдет, и он станет отделением заведовать.

– Почему ты так думаешь? – удивилась Рената. – Ему всего тридцать два года. Ольга Анатольевна и старше, и опытнее.

– Зато Сковородников мужчина, – объяснила мама. – И, говорят, толковый. А мужчина-начальник при прочих равных всегда лучше, чем женщина. Мне кажется, женщина должна чем-то руководить только в том случае, если дееспособных мужчин вокруг нет вовсе.

Коля, которому Рената, конечно, тоже рассказала про свой первый рабочий день, с мамой не согласился.

– Я сторонник равноправия, – заметил он. – Особенно в медицине.

Но слишком вдаваться в эту тему не стал: было просто некогда, ведь и он сразу включился в работу у себя в больнице на Обводном канале, так что разговаривали они с Ренатой в основном по телефону и даже в выходные не встретились, потому что у них не совпали свободные от дежурства дни.

Впрочем, это Ренату не угнетало. Что поделать, такая профессия. И потом, кто сказал, что любовь требует, чтобы люди постоянно находились друг у друга на глазах? Вон, родители, бывало, по несколько дней не виделись, потому что тоже работали в разных больницах. А все равно были счастливы.

Ренате так нравилась ее работа, что все остальное отошло на второй план. Ей и раньше, во время учебы в институте, во время практики, тоже было интересно, но теперь работа у нее была настоящая, и она захватила ее полностью. Конечно, опыта у нее еще не было и ее подстраховывали, но все-таки она уже чувствовала самостоятельную ответственность за то, что делала, и это не просто наполняло ее гордостью – для таких посторонних чувств, пожалуй, и времени-то не оставалось, – но требовало всех ее сил.

И все большее уважение с каждым днем вызывал у нее Павел Андреевич Сковородников. Он был, что называется, врач от бога, кроме того, обладал легким характером, поэтому и работать с ним было легко. И когда он сказал, что сегодня Рената сама будет делать кесарево,

она даже не испугалась. Невозможно испугаться, когда тебе ассистирует такой врач и такой человек, когда он своим твердым баском говорит, что все у тебя получится отлично!

Впрочем, Павел Андреевич считал, что спокойствие, которое, как он сказал, чувствовалось во время операции в каждом Ренатином движении, является ее природным качеством и его заслуги тут нет никакой.

– Гены, подруга, гены, – глядя на нее веселым, доброжелательным взглядом, сказал он. – Интересно, сколько поколений врачей тебе руку поставили?

– Пять, – сразу ответила Рената.

– Отличница, – улыбнулся Павел. – Все помнишь.

– Я не помню, а просто от мамы знаю, – уточнила она.

– Все равно отличница. Ведь правильно?

– Правильно...

И Рената улыбнулась ему в ответ. Ей было хорошо и легко, и она впервые в жизни понимала, что означает выражение «душа поет». И стоило ли этому удивляться? Она сделала свою первую самостоятельную операцию, пусть в представлении опытного врача и самую обыкновенную, но она-то не была еще опытным врачом. Ее похвалил человек, к которому она чувствовала безграничное доверие. И к тому же этот человек был так явно к ней расположен, его глаза так весело поблескивали в ярком свете лампы, что как же тут было не петь душе?..

Ей даже домой уходить не хотелось, хотя ее завтрашний выходной наконец совпадал с Колиным и к тому же его родители уезжали на дачу, которую его отцу недавно выделили от предприятия. То есть нет, Рената радовалась завтрашней встрече с Колей. Конечно, радовалась. Она ведь его любила.

Глава 4

Коля жил неподалеку от Аничкова моста, в единственном на Невском доме, построенном в советском стиле, с гигантскими фигурами рабочего и работницы. Он встретил Ренату у метро, и, пока шли по Невскому к его дому, рассказывал о том, как ассистировал профессору Гантману, который в урологии царь и бог, и как Гантман его похвалил. Он тоже радовался своей работе, и ему хотелось поделиться своей радостью с Ренатой. Но при этом он не захлебывался собственной радостью настолько, чтобы не расспросить и о ее делах.

Он и спросил, и Рената рассказала, что делала кесарево и что ее тоже похвалил доктор Сковородников. Ей только показалось почему-то, что ее рассказ совсем не соответствует тому, что было на самом деле. Тому, что она чувствовала тогда, – пению души... Но, может быть, об этом вообще невозможно рассказать никому, даже любимому человеку? И к тому же они уже пришли – Коля открыл перед нею дверь парадной.

В квартире стояла тишина и было очень тепло. После промозглого мартовского ветра, продувавшего город насквозь, это чувствовалось особенно.

– Никак к вашим погодам не привыкну, – сказал Коля. – От воды сырость, по улицам ветра сквозные...

– Но ведь зато Невский, – сказала Рената. – И Фонтанка.

Наверное, она выразила свою мысль непонятно, точнее, вовсе не выразила. Она только хотела сказать, что чувству, которое возникает на Невском проспекте, не могут повредить никакие ветра и что по сравнению с самим по себе чудом Фонтанки ничего не значит идущая от ее воды сырость. Но сказать все это с таким вот прямым пафосом она, конечно, не могла – это противоречило всей ее натуре.

– Да, по крайней мере, центр города, – согласился Коля.

Странно было, что они разговаривают о таких неважных вещах. Да нет, что же странного, разве любящие люди обязательно должны постоянно разговаривать о чем-то судьбоносном? Есть ведь обыкновенная жизнь, и она достойна внимания.

Коля повесил Ренатино пальто на вешалку. Она посмотрелась в настенное зеркало здесь же, в прихожей. Лицо у нее было взволнованное, глаза, очень светлые, почти прозрачные, поблескивали как-то лихорадочно.

Рената удивилась. От встречи с Колей она не чувствовала никакого волнения. Тогда что же означает этот беспокойный блеск?

– Хочешь чаю? – спросил Коля. – Или, может, поедим?

– Нет, чаю не хочу, – ответила Рената. – И есть не хочу, я дома позавтракала.

– Хорошо, – кивнул он.

– Почему хорошо? – удивилась она.

Странно было бы предположить, будто Коля экономит продукты!

– Потому что я по тебе соскучился. И не хочется время зря терять...

Он взял ее за руку и потянул за собой. В тишине комнаты его голос звучал как-то слишком громко.

– Я разложу диван, – сказал Коля. – Родители только завтра вернутся, никто нам не мешает. Оставайся ночевать.

Рената хотела сказать, что не предупредила маму, но поняла, что это прозвучит очень уж глупо. Можно ведь было все объяснить по телефону, да и вряд ли понадобились бы какие-то особенные объяснения. Коля уже был ее официальным женихом, и вообще взгляды на отношения полов были у мамы по-медицински трезвые.

Он не только разложил диван, но и постелил постель – чистую, накрахмаленную. Наверное, его мама, как и Ренатина, тоже отдавала белье в прачечную. А может, крахмалила и гладила его сама, ведь она была домохозяйкой и у нее было на это время.

Ощущение странности от того, что она думает о каких-то посторонних вещах, еще раз мелькнуло у Ренаты в голове. Мелькнуло и тут же исчезло, потому что Коля обнял ее и принялся целовать, одновременно расстегивая пуговицы ее блузки. Пальцы у него подрагивали от волнения, но все-таки справлялись с пуговицами очень ловко: у него были руки хирурга. Юбку Рената сняла сама. Когда снимала, то заметила стрелку на колготках, и ей стало неловко. Но Коля не обратил на стрелку внимания, тем более что колготки она поспешно стянула.

Они впервые лежали вместе не просто на диване, а в постели, но Рената опять, как и во время первой с ним близости, почувствовала себя так, будто это было всегда. К тому же и ощущение физического неудобства, которое вызывало у нее такую неловкость вначале, кажется, наконец прошло. Да, точно прошло: когда Коля положил руку ей на живот, а потом опустил пониже и стал поглаживать, чуть надавливая, у нее между ног, то по всему ее телу побежали будоражащие мурашки. И потом, когда он перевернулся, лег на нее сверху и, быстро нащупав чуткой своей рукой правильное место, как-то сразу и сильно вдвинулся в нее – ей показалось, всем телом, – это тоже не было уже больно, а было почти приятно.

И даже хорошо, что все закончилось у него довольно быстро, хотя Коля, кажется, испытывал от такой своей быстроты некоторую неловкость.

– Все-таки мы с тобой давно не виделись. – В его голосе отчетливо прозвучали нотки извинения. – Ты же понимаешь, от этого я вот так... Не бойся, вот будем вместе жить, и все пойдет как надо. – Он пружинисто сел, с удовольствием потянулся, хрустнув, кажется, не костями, а мышцами, и сказал: – А теперь пошли все-таки поедим! Организмы-то у нас молодые и реакции здоровые. Так?

– Так, – улыбнулась Рената.

Перед отъездом на дачу Колина мама приготовила изобильный обед: борщ, гуляш с картошкой, клюквенный кисель. Даже пирог с вареньем испекла. Ренате есть не особенно хотелось, она вообще была малоежка, а Коля ел с аппетитом.

– Надо будет в мою комнату тоже диван купить, – сказал он, накладывая себе добавку гуляша. – Не в гостиной же нам с тобой спать. Папа уже на работе заказал, через месяц должны привезти.

В его комнате дивана действительно не было – Коля спал на узкой кушетке. Они уже подали заявление в загс, свадьба была назначена на июнь, так что папин заказ был очень кстати, потому что купить диван в магазине не представлялось возможным. Ренатины родители и в более размеренные годы восемь месяцев стояли в очереди на польскую тахту, каждые выходные чуть свет ходили к мебельному магазину и отмечались в списке. А теперь, в перестройку, и вовсе никакой мебели в магазинах не стало – хоть по очереди, хоть без.

Впрочем, Ренату это не очень беспокоило, да и Колю, видимо, тоже. Он уже рассуждал совсем о другом.

– Все-таки талант есть талант, – сказал он. – До старости в форме держит. Вот Гантману шестьдесят уже, а ты бы его видела. И сорока не дашь. Каждое утро кросс бегает, по воскресеньям сауна, бассейн. А оперирует как! К нему на год вперед очередь. Кстати, – вспомнил он, – мне отец рассказывал, как к Сталину пришел министр здравоохранения Семашко. Или кто тогда были, наркомы? Ну, неважно. Так вот, пришел и стал жаловаться, что у врачей оклады маленькие. А Сталин ему говорит: «Не волнуйтесь, товарищ Семашко, хорошего врача пациенты всегда прокормят». Понимал человек! – Коля одобрительно засмеялся.

Рената хотела сказать, что ей это высказывание кажется несправедливым и унижительным. Если уж официально лечение бесплатное, значит, и жить врачи должны на официальную зарплату, а не надеяться на какие-то подпольные подачки.

Ей вообще все, что связано было со Сталиным, казалось либо унижительным, либо чудовищным. Одних рассказов деда о том, что ему пришлось пережить и увидеть во время его ареста, к счастью, недолгого – началась война, и врачи понадобились в таких количествах, что некоторых срочно выпустили из тюрем, – одних тех жутких рассказов ей хватило для того, чтобы никогда не восхищаться Сталиным, какие бы необыкновенные качества ему ни приписывались.

Но говорить об этом Коле она все же не стала. Он сиял такой благодушной улыбкой, так старался развлечь ее интересным разговором, что ей жаль было портить ему настроение и совсем не хотелось затевать с ним спор.

Поели, Рената помыла посуду, потом сели было смотреть телевизор, но ничего интересного не показывали, и телевизор они выключили, потом Коля взял английский журнал по урологии и стал читать его со словарем, а Рената смотрела в окно, из которого виден был Аничков мост, и думала, что красивее Ленинграда нет города на свете, правда, она ведь не была ни в Риме, ни в Париже, ни в Венеции, возможно, эти города показались бы ей еще красивее, да нет, не показались бы, потому что Ленинград особенный город, и как жаль, что его уже не называют Петербургом, так идет это название вот к этому строгому рисунку набережных, и к линии домов, и к линии рек и каналов, и ко всей его небесной линии...

– Мы с тобой очень друг другу подходим, – сказал Коля.

Его голос ворвался в ее размышления так неожиданно, что Рената вздрогнула.

– Ты думаешь? – спросила она.

Она просто не знала, что на это сказать.

– Уверен. Видно, не зря меня судьба к вам занесла. Сколько себя помню, мне девчонки всегда казались какими-то чересчур... бурными. С детского сада еще. А теперь выяснилось, что мне просто подходит не московский, а ленинградский женский тип. То есть петербургский еще – я думаю, здесь всегда женщины именно такие и были.

– Какие – такие? – с интересом спросила Рената.

– Ну, не знаю, как это описать, я же врач, а не писатель. Наверное, уравновешенные. Здравомыслящие – так, может. Без лишних эмоций. Ей-богу, мне это дико нравится! В этом есть аристократизм. Не по биографии, а, так сказать, по месту жительства. Вот у тебя, например, есть дворянские корни?

– Нет, – пожала плечами Рената. – Мама говорила, первый Флори сюда из Англии на эпидемию холеры приехал. А потом влюбился. Может, не в девушку, а в Петербург? – улыбнулась она. – Во всяком случае, даже тогда не уехал, когда его толпа во время холерного бунта чуть не убила. Его Николай Первый спас. – И, встретив недоуменный Колин взгляд, Рената пояснила: – Кто-то пустил слух, что врачи отраву вместо лекарства дают. И Николай Первый лично на Сенную площадь приехал и целую склянку этого лекарства на глазах у толпы выпил – чтобы подданных своих успокоить и врачей защитить. В общем, тот наш первый Флори был самый обыкновенный врач. Так что ничего аристократического во мне нет.

– По биографии нет, а так, по факту, – чистая дворянка. Все манеры у тебя такие... Несоветские, – сказал Коля.

Это определение Ренату не удивило. Отношение к советской власти в их семье традиционно было холодным. Все Флори воспринимали ее как неизбежное зло, мирились с ней, потому что не обладали задатками политических борцов, но по возможности всегда держались от нее на расстоянии. В этом был явный оттенок неприязни и брезгливости. Папа даже лотерейные билеты никогда не покупал – говорил: «Я не играю в азартные игры с этим государством».

– Я-то тоже не аристократ, – сказал Коля, – и даже не ленинградец. Но избыток страстей в московских женщинах меня все-таки не устраивает.

– А я тебя, значит, устраиваю?

Рената почувствовала легкий укол обиды. Но ни развивать в себе эту обиду, ни тем более высказывать ее Коле не стала. Она улыбнулась.

– Конечно! И вообще, что значит устраиваешь? Я тебя люблю.

Коля отложил журнал и, подойдя ко все еще стоящей у окна Ренате, поцеловал ее. Потом они вместе смотрели на темнеющий рисунок Аничкова моста, на прекрасные силуэты клодтовских коней. Им нравилось вот так вот смотреть на все это вдвоем и молчать. Во всяком случае, Ренате нравилось.

«Завтра в клинику, – подумала она. – Как хорошо!»

Стоило ей вспомнить, что завтра она увидит и сводчатые коридоры, так быстро ставшие родными, и ярко освещенный бестеневыми лампами родзал, и ординаторскую, такую уютную, и снова, наверное, будет ассистировать Павлу Андреевичу Сквородникову, и, может быть, он снова похвалит ее своим ласковым баском, посмотрит веселым взглядом, – у нее даже сердце забилося быстрее, трепетнее. Да, за совсем недолгое время она успела полюбить свою работу. Ну конечно, дело было именно в этом.

Глава 5

Первый после выходных рабочий день выдался очень хлопотным. Рената даже устала. Правда, устала она своеобразно: не чувствовала усталости, а лишь изредка вспоминала о ней.

Именно о таком, медицинском, отношении к усталости рассказывала мама – ей оно было присуще всю жизнь.

– Да тебе и вообще рано еще уставать, – добавляла она при этом. – У тебя впереди еще много лет сплошной молодости.

Рената так погрузилась в работу, что молодость радовала ее именно в этом смысле – как способность отдаваться работе целиком.

И об усталости она подумала, только когда обычный ее рабочий день закончился и началось ночное дежурство.

Дежурила она вместе со Сковородниковым. Он сам предложил такой график – сказал, что ему понравилось работать с Ренатой Флори. Его слова наполнили ее такой гордостью, что у нее даже щеки слегка зарделись.

– Неужели все утомонились? – Сковородников пропустил Ренату перед собой в дверь ординаторской. – Это надо же, шесть часов подряд рожают как подорванные!

– В ближайшее время некому рожать, – улыбнулась Рената. – У Сергеевой только-только схватки начались. Прилягте, Павел Андреевич. Если что, я вас разбужу.

– Лучше ты приляг. – Он улыбнулся. – А я тебя разбужу, если что. – И, заметив, что Рената колеблется, повторил: – Ложись, ложись, не беспокойся.

Удивительно, как он умел говорить! Так, что ему невозможно было не подчиниться, и даже не то что невозможно, а хотелось ему подчиняться, хотелось делать именно так, как он говорит. Для Ренаты это было особенно удивительно, потому что у нее с детства был довольно независимый характер, и она это про себя знала.

Она достала из шкафа подушку и плед, положила их на кушетку и, сбросив туфли, прилегла не раздеваясь. Ей казалось, что спать совсем не хочется, но, как только голова коснулась подушки, сознание сразу же поплыло, поплыло и окуталось тьмой.

В последнем перед этой тьмою светлом пятне Рената увидела Павла Андреевича. Он стоял рядом с ней и сверху вниз смотрел на нее каким-то особенным взглядом. Что значил его взгляд? Понять она не успела.

Рената проснулась от ощущения мгновенной тревоги. Она быстро села на кушетке, огляделась. В ординаторской никого не было. Верхний свет был выключен, горела только настольная лампа, да и она была повернута так, чтобы свет не падал Ренате на лицо.

«Все проспала! – подумала она. – А там, может, случилось что-нибудь!»

Она нащарила ногами туфли, собираясь встать, но тут дверь открылась и вошел Сковородников.

– Что ты подхватила? – сказал он. – Ложись.

– Сергеева рождает, да? – спросила Рената.

– Родила уже. Легко родила, акушерка сама справилась, я заглянул только. Спи, милая.

Он так неожиданно сказал ей «милая», что она вздрогнула. Конечно, он мог сказать просто так, вот как акушерки говорят роженицам: «Тужься, милая, тужься». Но глаза его блеснули при этих словах таким непонятным блеском, что Рената замерла, сидя на кушетке и изумленно, снизу вверх, глядя на него.

– Павел Андреевич... – пробормотала она.

Он быстро подошел к кушетке, остановился, словно не решаясь на что-то, и вдруг присел на корточки. Теперь его лицо было прямо перед Ренатиным. Она видела зеленую медицинскую шапочку, низко надвинутую на лоб, и сдвинутые густые, гладко поблескивающие брови, и,

главное, глаза... Глаза смотрели на нее не отрываясь, и в них, всегда таких веселых и ясных, Рената вдруг заметила растерянность. Эта неожиданная растерянность так ее поразила, что она чуть не заплакала. Слишком все это было пронзительно. Пронзительная это была минута.

– Ложись. – Голос его прозвучал хриловато. Он кашлянул, но это не помогло. – Ты не беспокойся.

Ей показалось, что он положил руку на ее колено, поверх пледа, именно чтобы ее успокоить, хотя и непонятно было, от чего. Но в его руке спокойствия не было совсем: пальцы вздрагивали, широкое запястье напряглось так, что щелкнул, расстегнувшись, браслет часов.

Этот щелчок прозвучал в тишине очень громко. Сковородников быстро убрал руку с пледа на Ренатино колено. Часы при этом скользнули по его кисти и упали на пол.

– Вот черт!.. – пробормотал он. – Никак браслет не отдам починить.

Он протянул руку, чтобы поднять часы, но сделал это так неловко, что они запустились дальше под кушетку. Он и руку за ними протянул дальше, Рената наклонилась, чтобы ему помочь, их руки каким-то странным образом соединились... И тут Рената почувствовала, что ее пронзил такой удар, будто она взялась за оголенный электрический провод. Никогда она не думала, что такое банальное сравнение может быть правдой! И этот сильный, невыносимый разряд начинался там, где ее рука соединялась с рукою Павла Андреевича...

От неожиданности этого ощущения, от мгновенного испуга она сжала пальцы. И сразу почувствовала, что они с Павлом Андреевичем сделали это одновременно. Они сидели рядом, Рената на кушетке, а Сковородников перед ней на корточках, сжимали руки друг друга и не могли пошевелиться от сильнейшего волнения, которое было одинаковым у обоих.

Павел Андреевич не поднимал на Ренату глаз.

– Ты так спала... – вдруг проговорил он.

Голос его прозвучал еще более хрипло, словно что-то мешало ему в горле и от этой помехи невозможно было избавиться даже самым сильным кашлем.

– Так крепко, да? – пролепетала Рената.

– Так... красиво. Как Спящая красавица.

– Я... – растерянno произнесла она.

– Ложись опять, а? – попросил он.

Она хотела спросить, зачем же ей ложиться, если спать уже совсем не хочется, но удержалась от такого глупого вопроса. Ее рука, сжатая его рукою, по-прежнему немела от сильных токов, идущих от него, и все тело от них немело тоже.

Сковородников наконец поднял на нее глаза. Рената быстро отвела взгляд.

Она послушно легла на кушетку, зачем-то натянула на себя плед – до шеи. Заметив этот испуганный судорожный жест, Сковородников усмехнулся. Кажется, он отошел от того необъяснимого напряжения, которое одновременно охватило их обоих. Да и руку Ренатину он отпустил.

Она лежала, глядя в потолок, боясь даже скосить на него глаза. Он сидел рядом на краешке кушетки и, наоборот, не отводил от нее взгляда. Потом он осторожно разомкнул ее пальцы, сжатые до белизны костяшек, и вынул из них плед. Потом наклонился к ней и поцеловал, не в губы, а почему-то в подбородок.

Что было бы с нею от поцелуя в губы, Рената и представить себе не могла. Если от прикосновения его губ к самому краю ее подбородка она чуть не вскрикнула...

Хотя она и не вскрикнула, но, наверное, сильно вздрогнула.

– Не бойся, – шепнул Павел Андреевич. – Никто не войдет.

Он быстро встал, подошел к двери, бесшумно повернул кругляшок замка и сразу же вернулся к кушетке. Но на этот раз не сел на ее краешек, а опустился рядом на колени – не опустился даже, а упал, будто обессиленный, и стал целовать Ренатино лицо.

Он целовал ее горячо, беспорядочно, в волнении, он почему-то по-прежнему не прикасался к ее губам, его руки лихорадочно метались по ее плечам, касались ее щек, один раз коснулись и груди, но тут же отдернулись, словно наткнулись на горячее... Соединение уверенности и растерянности было в каждом его движении так ощутимо, что от этого у Ренаты кружилась голова и темнело в глазах.

– Ну не бойся, не бойся... – повторял и повторял он все с той же уверенностью и с той же растерянностью. – Никто не войдет... не помешает...

Она ничуть не боялась каких-то внешних, отдельных от нее и от него помех; она совсем о них не думала. Все ее существо находилось в таком смятении, что едва ли это смятение могло бы усилиться даже в том случае, если бы дверь распахнулась и в ординаторскую ворвалась бы толпа.

Павел Андреевич вдруг перестал ее целовать, отстранился и встал. Рената замерла: что случилось? Она подумала, что сделала что-нибудь не так, чем-то смутила или даже обидела его, и эта мысль ее ужаснула. И когда оказалось, что он просто хочет снять брюки – они были медицинские, легкие, и снимались легко, – Рената обрадовалась так, что сердце у нее забилося еще стремительнее.

Его лицо и фигура туманились в ее глазах, и она чувствовала одно лишь счастье, огромное, невысказанное. Такого счастья она не только никогда не испытывала в жизни, но даже не подозревала о том, что оно вообще возможно.

Он снова наклонился над ней и попросил:

– Подвинься, милая.

Рената подвинулась так поспешно, что ударилась плечом о стену. Он лег рядом на бок, притянул ее к себе. Даже сквозь юбку она почувствовала, какой горячий у него живот. Он взялся за подол ее юбки, потянул вверх... И тут в коридоре послышались быстрые шаги и раздался торопливый стук в дверь.

– Павел Андреевич! – Голос медсестры Марголиной звучал испуганно. – У Сергеевой кровотечение!

Сковородников вскочил как пружиной подброшенный и пробормотал:

– Ч-черт!.. С чего это вдруг? Иду! – крикнул он.

Еще через мгновение он уже распахнул дверь. Медсестра Марголина маячила в дверном проеме.

– Главное, непонятно же, из-за чего! – проговорила она. – Так легко родила...

– Иду, – повторил Сковородников.

Марголина с любопытством взглянула на Ренату, которая с растерянным видом сидела на кушетке. Павел Андреевич тоже посмотрел на нее.

– Поспала немного? – сказал он. – Одевайся скорее, вместе Сергееву посмотрим.

Его слова прозвучали так, будто ничего особенного не произошло и Рената в самом деле лишь прилегла в свободный часок, как делали все врачи и медсестры, когда этот самый часок выдавался во время ночного дежурства. Если и слышались в его голосе обеспокоенные интонации, то они относились лишь к неожиданному осложнению у только что родившей женщины. И эта его обеспокоенность была Ренате совершенно понятна.

Она поспешно вскочила, надела туфли и выбежала из ординаторской вслед за Сковородниковым, на ходу поправляя волосы – прическу она всегда делала незамысловатую, просто закручивала низкий узел.

Следующий час она провела в операционной рядом с Павлом Андреевичем – ассистировала ему. Конечно, ее внимание было сосредоточено на Сергеевой, которая так неожиданно устроила им всем такую тревогу. Но при этом Рената все время видела сильные, точные в каждом движении руки Павла Андреевича, украдкой следила за его сосредоточенным лицом, за наполненными цепким вниманием глазами, за капельками пота у него на лбу – и счастье, пере-

полнявшее ее, не становилось меньше. Оно только усиливалось, ее счастье, все оно было в этом необыкновенном человеке, в этом единственном мужчине... Да, в единственном мужчине – осознание этого пришло к Ренате неожиданно, но было таким отчетливым, таким самоочевидным, что даже не удивило ее.

«Я люблю его больше жизни, – ясно подумала она. – Господи, какое счастье!»

Глава 6

Если бы не эта мысль, вернее, не это так ясно испытанное ощущение, что она любит Павла Андреевича Сквородникова больше жизни и что эта любовь – самое большое в ее жизни счастье, то Рената не сразу решилась бы на разговор с Колей. То есть все равно, конечно, решилась бы, потому что с детства не привыкла обманывать ни себя, ни тем более других, но, наверное, эта решимость далась бы ей труднее.

Теперь же она позвонила Коле сразу после ночного дежурства, которое перевернуло ее жизнь.

Коля был на работе; его позвали к телефону из палаты, где он, как сообщил взявший трубку врач, осматривал только что поступившего больного.

Ренате стало неловко, что она оторвала Колю от важного дела. Впрочем, и ее дело тоже казалось ей важным, и она не хотела его откладывать.

Неудивительно, что голос у Коли был недовольный. Правда, когда он выслушал Ренатину просьбу о немедленной, сегодня же, встрече, то голос у него стал слегка удивленный.

– А что случилось? – спросил он. – Срочное что-нибудь? Я, скорее всего, поздно освобожусь. И усталый буду как собака. Ну ты же сама знаешь, как оно после работы!

Конечно, она это знала. Но что ей было делать?

– Я вечером приеду на Обводный, к больнице, – сказала Рената. – Если ты будешь занят, подожду.

– Ну ладно, – совсем уже удивленно протянул Коля. – А что все-таки случилось-то?

Рената положила трубку. Перед Колей она чувствовала неловкость и стыд. Но какими же маленькими казались ей эти чувства по сравнению с тем главным чувством, которое наполняло ее всю! От одного воспоминания о том, как Павел Андреевич поцеловал ее в краешек подбородка, ее снова пронизывал такой сильный ток, что все тело шло дрожью.

Так она и дрожала то ли от воспоминаний, которые крутились и крутились у нее в голове, пока она ожидала Колю у больничных ворот, то ли от пронизывающего весеннего ветра. Алое тревожное закатное солнце мелькнуло в коротком разрыве туч над Обводным каналом и исчезло, и сразу же сгустились сумерки.

Наконец Коля появился в дверях больницы. Рената смотрела, как он идет по асфальтовой дорожке к воротам. Он тоже заметил ее, помахал издали и ускорил шаг.

– Ты что такая? – улыбаясь, спросил он, подойдя к Ренате. И уточнил: – Перепуганная какая-то.

Испуга она не чувствовала, но, может быть, ее волнение выглядело в чужих глазах именно так.

«Да, он чужой, совсем посторонний мне человек, – глядя на Колю, подумала Рената. – Как же я раньше этого не понимала?»

– Коля, – сказала она, прямо глядя в его красивые удивленные глаза, – прости меня, если можешь. Я не могу выйти за тебя замуж.

– Что значит не можешь? – переспросил он. – Почему?

– Потому что я люблю другого человека.

Теперь удивление, даже изумление расширило его глаза так, что они стали просто огромными.

– То есть как?.. – проговорил он. – Какого еще другого?

– Павла Андреевича Сквородникова. Нашего врача.

Может быть, он спросил это просто так, не собираясь выяснять имя-отчество, но Рената все сейчас понимала буквально. Мир, который она до сих пор видела словно бы через матовую пленку – только теперь она это поняла! – стал для нее миром ярких чувств и явлений. В нем, в

этом внешнем мире, как и у нее в душе, не осталось ничего неясного, смутного, вялого. Боже мой, какой же вялой была до сих пор ее жизнь! И как же она могла считать ту свою жизнь нормальной?

– Ты с ума сошла, что ли? – Коля покрутил головой, словно пытаясь освободиться от наваждения. – Мы же с тобой только вчера виделись! И никого ты не любила. В смысле, никакого Сквородникова. У тебя же ночью дежурство было!

Последняя фраза не имела видимой связи с предыдущими, но, в общем-то, Коля был прав. Еще вчера Рената действительно не любила Павла Андреевича Сквородникова. Хотя сегодня ей уже трудно было в это поверить.

– Я этого просто не понимала вчера, – сказала она.

И сразу успокоилась. Ведь это действительно было так! Конечно, она любила его давно, с самого начала, но только после того, что случилось сегодня ночью, поняла в себе это чувство.

– Да не может же этого быть! – воскликнул Коля.

– Почему не может?

Теперь уже удивилась Рената.

– Потому что! Не может с тобой такого быть! И... И мы же заявление подали!

В его голосе прозвучало отчаяние. Ей стало так жаль его, что защемило в носу. Но что она могла сделать?

– Коля, прости меня, – повторила Рената. – Я и правда не думала, что так... Что со мной такое может быть. Иначе я не пообещала бы выйти за тебя замуж. Но такое со мною стало. Я просто не знала раньше, что такое любовь, – тихо добавила она. – Даже не представляла...

– Ты просто дура! – закричал Коля. – Жизни не знаешь!

Наверное, это было слишком самонадеянно с его стороны, считать, будто бы она не знает жизни. В конце концов, она была всего на три года его моложе – из-за тех школьных лет, через которые так торопливо перешагивала в детстве... Но Рената готова была сейчас простить Коле любую самонадеянность, даже грубость. Она понимала, как сильно обидела его, и чувствовала перед ним просто-таки жгучую вину.

– Коля, может быть, не будем сейчас об этом говорить? – попросила она. – Встретимся потом, когда...

– Да никогда я не собираюсь с тобой встречаться! Ты подлая дура, больше никто!

Теперь в Колином голосе клокотала яростная, не выбирающая слов обида. Но она была так понятна, так объяснима, что сама Рената никакой обиды на него не чувствовала.

– Прости меня, – повторила она и, повернувшись, медленно пошла прочь.

Она шла медленно не потому, что хотела, чтобы Коля догнал ее, извинился за свою грубость, а лишь потому, что ей казалось, будто на ее ногах висят пудовые гири стыда. Да, именно так она и чувствовала, и ее не смущала даже пошлая многозначительность такого определения, хотя она всегда, с самого детства и, видимо, по наследству была чрезмерно чутка к любой пошлости, к любой расхожей истине.

Но гири стыда действительно были тяжелы, и ничего с этим уже было не поделать.

Счастье, которое Рената почувствовала в ту памятную ночь, ей приходилось носить в себе незаметно для окружающих. Если бы не природная сдержанность, может, ей это и не удалось бы, слишком уж ее счастье было велико. Но, с другой стороны, что она должна была делать? Бегать по больничным коридорам с радостными возгласами? Встречать приходящего на работу Сквородникова слезами восторга?

Возможно, и ему тоже приходилось сдерживать свои чувства; сказать это наверняка Рената не могла. Он вел себя по отношению к ней с явным расположением, но ведь он и раньше относился к ней именно так и с первого же ее рабочего дня держал Ренату Флори рядом с собою и всему учил; это и теперь не изменилось.

Но что-то все же изменилось. Рената не могла этого не замечать, вернее, не могла не чувствовать; вся она превратилась теперь в одно сплошное чувствилище.

Она замечала, она чувствовала, что при ежедневной встрече с нею Павла Андреевича охватывает смятение – краткое, потому что особо предаваться смятению не позволяет работа, но очевидное.

Она видела, что если он случайно касается локтем ее руки или коленом ее колена, например, во время общего обеда, то судорожно вздрагивает – так, как это бывает, когда невропатолог проверяет реакции, ударяя по локтю или колену молоточком.

А однажды он как-то неловко пропустил Ренату перед собой в дверь ординаторской, и ее грудь прижалась к его плечу. При этом Рената почувствовала, как по всему его телу прошла такая сильная волна, что она даже огляделась с испугом: ей показалось, все вокруг должны были это заметить. Но никто ничего не заметил, кажется.

За две недели, прошедшие после той ночи, этих несомненных знаков его к ней неравнодушия было немало; Рената дорожила каждым как редкой драгоценностью. И особенно дорожила она взглядами, которые связывали ее с Павлом Андреевичем прочнее, чем связали бы какие-нибудь шелковые парашютные стропы, или из чего там делаются стропы у парашютов... Как она любила эти его взгляды! Сердце у нее подскакивало к горлу, дыхание перехватывало, в глазах темнело, когда он смотрел на нее вот так... необъяснимо из-под своей низко надвинутой на лоб зеленой шапочки. Что он думал при этом, что чувствовал? Неужели такую же любовь, такое же счастье, как она? Рената боялась об этом думать, но и не думать не могла, ловя эти его с ума сводящие взгляды.

В таком трепете, счастливом и тревожном, она не замечала течения времени, и две недели пролетели, как две минуты.

А потом Павел Андреевич исчез. То есть не исчез, конечно, а просто взял неделю в счет отпуска, потому что у него заболела мама и пришлось срочно поехать к ней в Выборг. Но когда Рената пришла как обычно утром на работу и узнала, что Сковородникова сегодня не будет, ее охватил такой ужас, будто земля ушла у нее из-под ног. Как не будет?! Целую неделю... Как же она выдержит эту неделю, нет, это невозможно! Рената с трудом скрывала слезы, и только работа помогала ей держаться хоть в какой-то форме все эти бесконечные дни без него.

И чего ей стоило сдерживать счастливый вскрик, когда через неделю она услышала его голос в телефонной трубке!

Сковородников позвонил в ординаторскую, и она ответила на звонок.

– Рената? – Он сразу, по первому же слову, узнал ее голос! – Привет. Это Павел. – Как будто она его не узнала, не по слову даже, а по одному лишь дыханию! – Как там у вас дела?

– Хорошо, – с трудом выговорила она. – Здравствуйте, Павел Андреевич.

– График у меня как, не изменился? Я сегодня вечером возвращаюсь, хочу в ночь выйти. Соскучился по работе.

Она расслышала в его голосе улыбку. И тут же увидела эту улыбку на его лице, и глаза его увидела, и руки, и... Всего его увидела пронзительным, сквозь расстояние, взглядом!

– Приезжайте, Павел Андреевич! – воскликнула она.

Наверное, это восклицание прозвучало совсем глупо, потому что Сковородников засмеялся.

– Ну-ну, – сказал он. – Конечно, приеду. Куда я денусь? Ждите.

И весь день Рената слышала у себя внутри одно только это слово – «ждите». Господи, да разве она могла делать что-нибудь еще?!

Кое-что она, правда, сделала вполне разумно: поменялась дежурствами с ординатором Алексеем Романовичем. По счастью, ему была удобнее как раз завтрашняя, а не сегодняшняя ночь, и он обменялся охотно.

Как вошел Сковородников в ординаторскую, как обрадовались его появлению врачи, как он здоровался со всеми, что рассказывал, – всего этого Рената не помнила. Все это общее, суматошное мелькнуло вокруг нее сплошным вихрем, ослепительным и мгновенным. Мелькнуло и схлынуло, как волна, и оставило ее наконец наедине с Павлом Андреевичем, будто на берегу морском после какого-то чудесного спасения.

Не было, конечно, никакого берега морского. Была самая обыкновенная ординаторская, в которой они стояли друг напротив друга и смотрели друг другу в глаза.

В глазах Павла Андреевича плясали веселые огоньки. Рената думала, что он скажет сейчас что-нибудь очень простое, такое же общее, как пять минут назад... А вообще-то ничего она не думала! Не до мыслей ей сейчас было.

– Рената... – вдруг сказал он. – Милая ты моя... Как же я по тебе соскучился!

И она обмерла от этих слов. От единственных этих слов, вот именно простых, но совсем не общих, а только ей одной предназначенных.

Сама Рената ничего ему сказать не успела. Потому что сразу за этими словами он сделал шаг вперед и обнял ее.

– Господи ты боже мой!.. – выдохнул он при этом. – Ну и ну... Надо ж так!

Его голос прозвучал взволнованно и от волнения как-то слишком громко. Впрочем, может быть, ей это просто показалось, ведь в ординаторской стояла тишина. И в коридоре стояла тишина, и из родзала не доносилось ни звука – еще днем Ирина Аркадьевна, заведующая отделением, говорила, что ночью, по крайней мере часов до трех, наверняка никто рожать не соберется и дежурство будет спокойным.

А потом Павел Андреевич стал целовать Ренату с той же страстной торопливостью, что и тогда, в ту их единственную ночь, и она позабыла обо всем.

Он поспешно раздевал ее, раздевался сам, и она тоже раздевалась сама, и он, не выпуская ее из объятий, пытался к двери, запирая замок, и она пыталась с ним вместе, но во всей этой их общей поспешности не было никакой неловкости – все было между ними точно, счастливо, единственно!..

И когда они наконец оказались на кушетке, все их движения тоже были общими, едиными. Рената чувствовала каждое желание Павла Андреевича прежде, чем он сам успевал его почувствовать. Легкая робость, которую она всегда испытывала перед ним, теперь совершенно исчезла – она устремлялась к нему, льнула к нему всем телом, и все ее тело, вздрагивая, обнимало его снизу.

– Не бойся, милая... – почему-то шептал он. – Не бойся, все будет хорошо...

«Разве я боюсь? – мелькнуло у нее в голове. – Ничуть, несколько!»

– Я не боюсь несколько. – Она выговорила это прямо ему в губы. – Я так тебя люблю!..

Он как-то странно застыл при этих ее словах, на мгновение замер над ней, но тут же коротко застонал и весь выгнулся в такт своему стону. И тут же она почувствовала его у себя внутри – всего его почувствовала по тому, что все у нее внутри словно огнем вспыхнуло, и это был такой необыкновенный, такой долгожданный огонь, что она готова была сгореть в нем без остатка.

Но ей не надо было сгорать – Павел совсем этого не хотел. Он хотел быть в ней бесконечно долго, и, Рената чувствовала, если бы не боязнь привлечь чужое внимание, он стонал бы в голос, а не вот так вот, сдерживаясь из последних сил.

И она тоже хотела, чтобы он был с ней бесконечно. Только для нее не имело значения, будет ли это физическая близость, вот такая, которая происходит между ними сейчас, или они просто будут вместе. Рената не могла бы точно определить, что означают в ее понимании эти слова – «просто вместе». Да все они означали для нее! Всю ее неотделимость от этого единственного, любимого мужчины.

Тем временем Павел сильно выдохнул, потом несколько раз вздрогнул и сразу отяжелел, вдавил Ренату в кушетку. Она поняла, что внешняя, физическая часть близости закончилась. Но это не расстроило ее, хотя впервые в жизни все ее тело загорелось, отвечая телесному желанию мужчины. Но то, что должно было теперь последовать за первым телесным огнем, было важнее, значительнее...

– Ну как ты? – сказал Павел, приподнимаясь на локтях. Наверное, он почувствовал, что слишком сильно придавил Ренату своим телом. – А то я уж боялся.

– Почему боялся? – не поняла она.

– Да думал... – В его голосе слышалось что-то вроде смущения от собственной глупости. – Ну, думал, вдруг ты девушка еще.

Теперь смутилась Рената. Мало сказать смутилась – щеки у нее ярко вспыхнули, чего с нею вообще-то почти никогда не бывало.

– Я... – пролепетала она. – Я уже не...

И замолчала, не зная, что сказать.

Конечно, Павел сразу заметил ее смущение. Приподнявшись на локтях и коленях повыше, он сначала навис над Ренатой, а потом встал с кушетки.

– Ну-ну! – Он улыбнулся и ласково погладил Ренату по плечу. – Чего вдруг засмущалась? Ты же врач. Девственная плева – физиологическая особенность организма, больше ничего. Она привлекает только комплексантов да пожилых извращенцев, а нормальному здоровому мужчине куда приятнее зрелая женщина. Одевайся, милая, пойдем посмотрим, как там у нас дела.

И это его ласковое движение, и необыкновенная, единственная интонация, с которой он говорил «милая», наполнили Ренату таким счастьем, что смущение ее мгновенно исчезло. В самом деле, ну что она покраснела, как гимназисточка какая-то? Ей уже двадцать один год, она взрослая женщина. И любящая женщина, и – любимая... Что же другое может означать и его ласковый жест, и это прекрасное слово «милая»?

Они быстро оделись, то и дело задевая при этом друг друга – их одежда лежала впере-мешку на стуле. Когда их локти или плечи невольно соприкасались, они оба нарочно продле-вали эти мгновения, потому что это было им обоим приятно, и радостно переглядывались, и улыбались друг другу.

Потом Павел посмотрел в третьей палате женщину, у которой начались схватки, и велел перевести ее в предродовую, потом они вернулись в ординаторскую и выпили вместе чаю, и снова счастливо при этом улыбались, глядя друг на друга, и он спросил, не хочет ли Рената спать, а она, конечно, не хотела, и он поцеловал ее так крепко, так любовно...

Эта ночь длилась и длилась, и Ренатино счастье длилось и длилось тоже.

Глава 7

Оно длилось и длилось все ночи и дни напролет, ее счастье. Нет, не ее только – оно было теперь у них общим. И от того, что этим общим счастьем был наполнен каждый рабочий день, Рената чувствовала себя так, словно где-то у нее внутри все время горит бенгальский огонь, сыплет яркими искрами и сверкает, сияет...

Наверное, от этого и сама она теперь сияла, как никогда прежде. Во всяком случае, на работе сразу это заметили. Да и мудро было не заметить: Рената всегда выглядела такой блеклой, такой какой-то прозрачной, что теперь, когда во всем ее облике вдруг появилось нечто яркое – она и сама это видела, причесываясь утром перед зеркалом, – это, конечно, всем сразу бросилось в глаза.

И все без труда определили причину, по которой произошло с нею такое преобразование. Это было понятно уже по тому, что когда Рената разговаривала с Павлом в ординаторской, в коридоре, да неважно где, то и медсестра Марголина, и акушерка Нинидзе, и даже заведующая отделением Ирина Аркадьевна поглядывали на нее с понимающими улыбками. К пониманию добавлялись в этих улыбках и другие чувства, от доброжелательности до зависти.

Впрочем, Рената немного обращала на все это внимания. Она так была захвачена собственными чувствами, что чужие не вызывали у нее даже любопытства.

Правда, она замечала, что Павел, кажется, относится к этому иначе: и любопытные взгляды, и особенно понимающие улыбки его явно раздражали. Но вслух он об этом не говорил, и Рената тоже не заговаривала с ним об этом.

Да и вообще, до посторонних ли разговоров ей было! Она только и ждала, что тех счастливых, прекрасных общих часов, когда они оставались вдвоем на ночное дежурство.

Ренату прикрепили на время интернатуры к доктору Сквородникову, поэтому совпадение их дежурств было естественным. И, к счастью, каждый раз выдавался хотя бы часок, хотя бы полчаса, во время которых они могли остаться вдвоем в ординаторской... От одного лишь щелчка, с которым запирался замок, у Ренаты уже замирало сердце! И сладко, и счастливо билось оно потом, когда Павел торопливо целовал ее, раздевал, или даже не раздевал, а сразу прижимал к себе нетерпеливым и страстным движением...

Из всего внешнего мира только работа теперь вызывала у нее сосредоточенность, да и то – чтобы эту сосредоточенность в себе вызвать, ей требовалось большое усилие воли. Все же остальное вообще не имело значения.

Это счастливое невнимание ко всему, что не относилось к их с Павлом любви, могло бы длиться у Ренаты бесконечно. И лишь одно обстоятельство, неожиданное и ошеломляющее, отвлекло ее от собственного внутреннего состояния. И не только отвлекло, а привело в оторопь.

Она обратила внимание на это обстоятельство случайно. Мама вернулась как-то из аптеки и расстроено сказала:

– Безумие какое-то! Уже записывают в очередь за ватой. И предлагают ходить отмечаться. Давать будут по одной пачке в руки независимо от пола и возраста. Особенности женской физиологии во внимание не принимаются. Ты хоть у Анны Гавриловны возьми сколько-нибудь, а то совсем без ваты останешься.

Анной Гавриловной звали роддомовскую сестру-хозяйку, которая работала еще с дедом Флори.

– Хорошо, – кивнула Рената.

И в эту самую минуту поняла, что вата для «женской физиологии» ей что-то давно уже не требовалась. Сосредоточившись, она припомнила, что последние месячные были у нее задолго

до последнего же ее свидания с Колей. А было это... Ну да, три месяца назад. Господи, как же она могла упустить такое из виду?! То есть получается... Получается, срок у нее три месяца!

Мама ушла в кухню. Слышно было, как она вынимает из сумки принесенные из магазина свертки. Рената потерла ладонями мгновенно вспотевшие виски.

«Получается, я все это время была беременна? – почти с ужасом подумала она. – И не от Павла, а от Коли?!»

Ей не надо было производить сложных расчетов, чтобы убедиться, что это именно так. К тому времени, когда случилась ее первая близость с Павлом, задержка у нее была уже такая большая, что, находясь тогда Рената в ясном состоянии ума, она непременно встревожилась бы. Но ясности ума у нее тогда не было и в помине.

Как, впрочем, и теперь – она стояла посреди комнаты в полной растерянности и только и могла, что тереть ладонями мокрые виски и побелевшие от волнения щеки.

Между тем надо было что-то делать, и немедленно. То есть не что-то, а аборт: Рената совсем не собиралась рожать ребенка от мужчины, о существовании которого уже почти забыла, и прекрасно понимала, что Коле ребенок от нее уж тем более не нужен. Да и вообще, от того, что она выросла в медицинской семье и сама училась медицине, притом именно гинекологии, отношение к беременности было у нее чисто медицинское. Правда, по этой же причине она и слишком хорошо представляла себе опасность первого аборта. Но, в конце концов, она ведь не растерянная девочка с улицы, у мамы множество знакомых, да и сама она, конечно, найдет хорошего врача, да, действительно, зачем зря беспокоить маму, ей вообще не стоит об этом говорить...

«А Павлу? – вдруг подумала Рената. – Наверное, надо сказать ему? Или не надо?»

От этой мысли она растерялась еще больше. То есть, по логике вещей, Павлу совсем необязательно было говорить о беременности, к которой он не имеет никакого отношения. Даже как-то неловко было говорить ему об этом. Но по другой, не умственной логике... Он был самым близким ей человеком. Она любила его до темноты в глазах, до остановки сердца. И к кому же, как не к нему, было ей обратиться в минуту растерянности? Да и вряд ли его шокирует то обстоятельство, что беременность наступила у нее от прежнего жениха. Врача вообще невозможно шокировать какими бы то ни было физиологическими проявлениями.

Этими мыслями она успокаивала себя весь вечер и потом, ночью, лежа без сна и глядя в бледное от лунного света окно.

В сестринской праздновали юбилей сестры-хозяйки Анны Гавриловны – семьдесят лет. Личностью она была легендарной, в роддом пришла работать еще в войну, поэтому празднование получилось торжественное.

– По уму, так в ресторан бы вас всех позвать, – растроганно приговаривала юбилярша, суетясь у накрытого стола. – Но ведь не привыкла я к ресторанам!

Все тут же принимались ее уверять, что никакого ресторана не нужно, вот еще ерунда какая, будто бы мы ресторанов не видали, куда приятнее посидеть здесь у себя, по-домашнему... Анна Гавриловна была одинока, жила в коммуналке, поэтому роддом в самом деле был для нее домом родным.

Рената дежурила в приемном отделении и на празднование опоздала. Когда она вошла в сестринскую, обстановка там была самая что ни на есть располагающая. Врачи и сестры, закончившие работу, уже порядочно выпили, расслабились, разговоры их сделались довольно бессвязными, но от этого лишь более задушевными.

Доктор Сковородников играл на гитаре романс «Будь ты моею» – а Рената и не знала, что он умеет играть! – молоденькая медсестричка Нина пела, раскрасневшаяся от вина Ирина Аркадьевна чертила вилкой на салфетке какую-то схему, что-то при этом объясняя своей заместительнице Воробьевой... Но по общему настроению все же чувствовалось, что праздник идет

к завершению. Уже собирались потихоньку пустые стаканы, и куриные кости сбрасывались в миску – кто-то хотел унести их собаке, – и накрывались блюдечками тарелки с колбасой и сыром...

Едва Рената успела поздравить Анну Гавриловну, как тут же пришлось идти в предродовую смотреть только что поступившую женщину. Собственно, звали доктора Сковородникова, но Ренате жаль было отрывать его от гитары, на которой, оказывается, он играл просто виртуозно, и она пошла сама.

И, как это обычно бывало в роддоме, первое дело сразу потянуло за собой второе – зарожалась женщина, от которой никто этого сегодня не ожидал, и следующий час Рената провела в родзале.

Роды были нетяжелые, но роженица плохо переносила боль, кричала во весь голос, а когда наконец родила и ей показали младенца, воскликнула: «Уберите, видеть его не могу!» Понятно, что восклицание было вызвано лишь стрессом, но все же это было неприятно, тем более что мальчик родился здоровенький, крепкий и до того красивый, что не только Рената, но и принявшая множество детей акушерка Фараонцева восхитилась, глядя на него.

В общем, Рената освободилась не скоро.

«Все уже разошлись, наверное, – подумала она, идя по коридору мимо сестринской. – Странно, почему Павел в родзал не заглянул?»

Это в самом деле было немного странно, потому что дежурным врачом все-таки был он, а значит, должен был поинтересоваться, как справляется со своими обязанностями интерн, за которого он отвечает. Да нет, ничего странного в этом не было: все в отделении знали, что Рената Флори обладает обостренным чувством ответственности, а значит, если она не обращается за помощью, то и нет необходимости мелочно ее контролировать.

В ординаторской было пусто. Наверное, Павел вышел в туалет. Или, может, его в приемный покой вызвали? Ну да, конечно, потому он и не зашел в родзал узнать, как там у Ренаты дела.

Ее слегка подташнивало, и даже голова кружилась – напоминала о себе беременность, и это напоминание было Ренате неприятно.

Надо было умыться, освежить сознание. А там и Павел придет, и она расскажет ему, как прошли роды, и про то, какой красивый родился мальчик, расскажет тоже, а он, наверное, чуть заметно улыбнется над ее восторженностью... Представив себе это, Рената сама улыбнулась счастливой улыбкой.

Она вышла из ординаторской и направилась к туалету. Из-за двери сестринской, мимо которой она проходила, доносились какие-то звуки – значит, девочки еще убрали со стола. Наверное, надо было заглянуть, спросить, не нужно ли им помочь, но из-за тошноты и головокружения Ренате не хотелось этого делать. Ну и ладно, ей бы на свои обязанности сейчас сил хватило, а посуду и без нее уберут.

И вдруг среди невнятных звуков она расслышала за дверью знакомый голос.

– Ну-ну, – произнес он, – хватит, милая, хватит целоваться. Работать пора, хорошенького понемножку.

Вслед за этими словами отчетливо послышался звук поцелуя, потом раздалось коротенькое женское хихиканье и женский же голос кокетливо протянул:

– Вот всегда ты та-ак!..

Потом дверь открылась и, на ходу надевая зеленую шапочку, в коридор вышел Сковородников. У него за спиной маячила фигурка медсестры Ниночки. Дверь была открыта широко, и Рената видела, что, кроме Ниночки, в сестринской никого нет. Да и так было понятно, что кокетливый голосок и короткое хихиканье принадлежали ей – очень уж они у нее были характерные, ни с кем не перепутаешь.

Ниночка сделала шаг вперед, словно бы лишь для того, чтобы выйти из сестринской вслед за Сковородниковым, но при этом посмотрела на Ренату с вызовом.

«Не нравится? – ясно говорил ее взгляд. – А мне нравится! И что хочу, то и буду делать, он у тебя не купленный. Да ему и самому со мной нравится!»

И, встретив этот торжествующий Ниночкин взгляд, а потом переведя собственный взгляд на Павла, Рената поняла, что хорошенькая медсестричка права.

Вид Сковородникова можно было охарактеризовать двумя словами: сытый и довольный. Как у кота, наевшегося сметаны. Именно кошачий, ничем человеческим не отмеченный характер имело его довольство.

– Рената? Ты не в родзале?

В голосе Сковородникова не послышалось и тени смущения. Даже наоборот, в нем послышался вызов. Это был вызов того же рода, что и в Ниночкином взгляде.

«Тебе что-то не нравится? – словно бы вторым, подразумевающимся планом говорил его спокойный голос. – А какое, собственно, право ты имеешь предъявлять на меня права? Я свободный мужчина, с кем хочу, с тем и совокупаюсь».

Еще день назад, да что там, еще всего лишь час назад Ренате и в кошмарном сне не приснилось бы, что она может думать о Павле вот такими, до отвращения физиологичными, словами. Но теперь она думала именно так. А что слова эти, отчетливо звучащие у нее в голове, внахлест мучительно ложились на совсем другие слова, которые звучали и бились у нее в сердце, – так это не имело никакого значения.

«Наверное, это все из-за беременности, – словно о посторонней, подумала о себе Рената. – Своя физиология наружу вылезла, вот и всюду ее замечаю».

– В родзале я закончила, – сказала она. – Звонарева родила уже.

И, забыв, что собиралась умыться, повернулась и пошла обратно в ординаторскую.

Через минуту после того как Рената села за стол, на котором лежали папки с историями рожениц, которых она вела, дверь открылась и в ординаторскую вошел Огородников.

– Рената, – произнес он с порога, – я давно хотел с тобой поговорить. Да все не решался. Очень уж ты какая-то...

– Какая? – Рената подняла на него глаза, до сих пор устремленные на папки.

– Деликатная какая-то, – с досадой сказал Сковородников. – Будто не мед кончала, а Институт благородных девиц, ей-богу. Вокруг простого и естественного дела развела какие-то египетские антимонии.

– Разве бывают египетские антимонии? – спросила Рената. – Что это такое?

– Ну, не египетские, это я так просто сказал... Да не придирайся ты к словам! Какое они имеют значение?

«Никакого», – подумала Рената.

И тут только осознала, что за все время их бурной любви Сковородников ни разу ей об этой любви не сказал. А что говорил «милая»... Да, подобные слова, как выяснилось, в самом деле не имеют для него никакого значения.

– В общем, даже хорошо, что так получилось. А то уже все отделение меня спрашивает, когда у нас с тобой свадьба. Про какого-то жениха твоего говорят, которого ты якобы ради меня бросила... Мое-то какое до этого дело? Я, что ли, тебя заставлял кого-то бросать?

Возможно, этот его вопрос был риторическим. Но Рената ответила:

– Не ты. Ты не заставлял меня никого бросать.

– Вот именно. Про это я тебе и хотел сказать. Я, милая, конечно, очень хорошо к тебе отношусь. Но какие-то обязательства... Это в мои ближайшие планы, честно тебе скажу, не входит. Я диссертацию собираюсь писать, и квартирным вопросом надо заняться, я же комнату снимаю. В общем, не до женитьбы. Я, конечно, сам виноват. – Виноватая интонация действительно прозвучала в его голосе, впрочем, еле ощутимо. – Должен был учитывать твои... хм...

романтические представления о жизни. Молодая ты еще, попросту говоря. Это, конечно, со временем пройдет, но сейчас у тебя еще период розовых очков. – Теперь в его тоне послышалось что-то исследовательское, как будто он уже собирал материал для своей будущей диссертации. – А я в такие периоды женского развития вклиниваться не люблю. Так что, Рената, не обижайся, но лучше нам отношения пока... свернуть. Я на данный момент не твой объект. И ты не мой тем более. Вот приобретешь необходимый здоровый цинизм, тогда можем вернуться к этому вопросу.

После этих слов Сковородников улыбнулся широко и безмятежно. Это была улыбка человека, полностью уверенного в своей правоте. Да он и был прав, собственно. Во всем, кроме того, чтобы «вернуться к вопросу». Рената знала, что этого не будет никогда.

Но как же мучительно было это знание! Вот сейчас, когда она смотрела в его любимое лицо, слышала голос, тоже еще любимый... И как ей было справиться с колющим комом горя, который она просто физически ощущала под самым горлом?

– Павел Андреевич, – с трудом произнесла Рената. Надо же, а голос-то прозвучал почти ровно! – Павел Андреевич, я спущусь в приемное. Лучше мне будет сегодня там подежурить. Надеюсь, вы справитесь один.

– Павел Андреевич... – поморщился он. – Еще скажи, товарищ Сковородников! Нет, все-таки хлопотно с вами. С такими, как ты, – пояснил он, встретив ее непонимающий взгляд. – Даже разбежаться по-человечески не можете, обязательно вам надо драму разыграть. Справляюсь, не беспокойся. Иди в приемное.

Рената встала из-за стола и, не глядя на него, вышла из ординаторской.

Глава 8

Почему все это вспомнилось ей именно сейчас, мгновенною тенью мелькнуло в давно охладевшей памяти?

Рената поднималась по лестнице к своей квартире так медленно, будто прошлое вдруг отяжелило ее походку. Да, это неожиданное воспоминание было именно тяжестью, даже тягостью, в нем давно уже не было ни остроты, ни боли. А тогда!..

Тогда, двадцать лет назад, боль преследовала ее днем и ночью. И от того, что приходилось ежедневно видеть Павла, боль усиливалась стократно, хотя когда Рената бывала дома, то думала, что сильнее ее боль сделаться уже не может.

Эта боль пересилила не только все чувства, но даже все физические ее ощущения – Ренате казалось, например, что у нее резиновая кожа.

Из-за этого она забыла на время о том, что составляло предмет ее тревоги и даже страха, – о своей беременности, неожиданной и нежданной. А когда все-таки вспомнила, то сразу впала в такое мрачное состояние, что вообще хоть вешайся.

«Еще и это! – думала она. – Искать сейчас врача, который согласится сделать аборт, срок ведь большой, значит, придется уговаривать, объяснять, почему затянула... Как не хочется все это делать!»

Что ей не хочется заниматься всем, чем необходимо было заняться, чтобы прервать беременность, Рената осознавала с каждым днем все яснее. И все яснее понимала, в чем состоит настоящая причина такой ее неохоты...

Ей было стыдно перед этим так нелепо зачатым ребенком. Это было тем более странно, что она не чувствовала и не осознавала в себе ничего такого, что принято называть красивыми словами – «новая жизнь», «искорка любви», «частичка души» и прочее в том же духе. Подобные слова казались ей невыносимо пошлыми, но стыд был. Какова его природа, Рената не понимала, она чувствовала только, что он возрастает по мере того, как возрастает боль от всего, что произошло у нее с Павлом.

Да, это было именно так: пока она поглощена была счастливой любовью, то относилась к своей неловкой и неуместной беременности чисто медицинским образом, теперь же, когда вдребезги разлетевшаяся любовь впиалась в ее сердце тысячей мелких осколков, то и все чувства в ее сердце сразу обострились. Тогда-то и возник этот стыд, и с каждым днем он становился все сильнее.

Возможно, она еще долго пребывала бы в том странном ступоре, в который этот стыд ее завел, если бы не мама. Рената и не подозревала, что она так внимательно за ней наблюдает! Во всяком случае, за простыми физиологическими проявлениями ее организма мама наблюдала точно.

– Послушай-ка, – сказала она в один непрекрасный, как, впрочем, и все остальные, день, – а ты не беременна ли?

Рената настолько не ожидала этого вопроса, что не сразу сообразила, как следует ответить. А когда сообразила, было уже поздно: честный ответ уже вырвался у нее сам собою.

– Беременна, – ответила она.

Все-таки привычки вечной отличницы были в ней слишком сильны.

– От кого? – поинтересовалась мама.

В ее голосе не послышалось ни одного из тех чувств, которые были бы, наверное, с ее стороны естественными: удивления, возмущения, даже ужаса; ведь она знала, что Рената расталась с Колей, хотя о ее бурной любви к Павлу как раз таки не знала.

Однако тон у мамы был совершенно спокойный. И Рената сразу успокоилась тоже.

– От Коли, – сказала она.

– Но вы ведь расстались? И что же он на это говорит?

– Ничего, – пожала плечами Рената. – Я ему не сообщила. Понимаешь... В общем, это долго объяснять. То есть не долго, а трудно. – Но, сказав это, она тут же все-таки объяснила: – Понимаешь, я рассталась с Колей потому, что полюбила другого человека. Павла Андреевича Сквородникова, нашего врача. А потом обнаружилась беременность. От Коли. И я, конечно, сразу решила сделать аборт. А потом...

Рената замолчала. Все-таки это в самом деле был тяжелый для нее рассказ.

– А потом твоя с этим Сквородниковым любовь потерпела крах, – все тем же спокойным тоном продолжила мама. – И ты не понимаешь, как тебе теперь жить, и тем более не понимаешь, что делать с этой посторонней беременностью.

– Откуда ты знаешь?

Рената посмотрела на маму с таким изумлением, словно та вдруг предстала перед нею какой-нибудь предсказательницей Кассандрой.

– Я достаточно хорошо знаю тебя, – усмехнулась мама. – И вижу, что ты в последнее время ходишь как в воду опущенная. Что может быть причиной? Только несчастная любовь. Но в такое состояние ты впала уже много после того, как рассталась с Колей. Значит, виновник твоей несчастной любви не он. Как видишь, никакой особенной проницательности мне не потребовалось.

– И что же мне делать? – вздохнула Рената.

Голос ее еще прозвучал уныло, но, по сути, к собственному удивлению, прежнего уныния она уже не чувствовала. Впервые за все время после расставания с Павлом.

– В первую очередь не страдай. – Мама улыбнулась. – Вот у Володиной, великого, я считаю, драматурга, есть прекрасная фраза: что истории неизвестны случаи, когда девушка, пережив любовное разочарование в двадцать лет, помнила бы об этом в следующие пятьдесят лет своей жизни. Забудешь ты своего Сквородникова, забудешь, даже не сомневайся. Тебе сейчас гораздо важнее понять, что делать с беременностью.

– Вот этого я и совсем уж не знаю... – тихо проговорила Рената.

– Ты хочешь этого ребенка? – уточнила мама.

– Не знаю, – повторила она. И, вздохнув, добавила: – Вряд ли хочу.

– Тогда не рожай. – Мамин голос прозвучал жестко. Встретив удивленный Ренатин взгляд, она объяснила: – Может быть, оттого, что я всю жизнь принимала роды и знаю цену этому событию, у меня сложилось четкое убеждение: ребенок должен восприниматься как живое существо с той минуты, когда его таковым осознает мать. Если с ней это происходит на первом месяце беременности, значит, на первом. Если когда он начинает шевелиться у нее в животе, значит, в тот самый момент. И никто, кроме матери, не может решать его судьбу. Я понимаю, что, с точки зрения любой религии, говорю страшную ересь. Но, повторяю, это убеждение основано на большом личном опыте. Матери предстоит такая связь со своим ребенком, которую невозможно ни назвать словами, ни объяснить даже самому близкому человеку. Это могучая связь, Рената, страшная в чем-то связь! Наверное, каждая забеременевшая женщина, даже самая примитивная, на уровне инстинкта чувствует масштаб своей будущей ответственности. И поэтому никто, кроме нее, не может решить, готова она к такой ответственности – даже не вообще, а вот именно в данный момент своей жизни – или нет. Ты понимаешь, о чем я?

– Да, – кивнула Рената.

Мама говорила с той здоровой ясностью, которая была ей присуща всегда и во всем. Но все-таки смысл ее слов оставался для Ренаты отвлеченным. И кивнула она лишь потому, что верила маме безусловно.

– А готовность к этой ответственности как раз и выражается в желании родить ребенка, – заключила мама. – Поэтому я и говорю: если ты не чувствуешь сейчас такого желания, то рожать тебе не надо.

– Но что-то же я все-таки чувствую... – задумчиво проговорила Рената. – Только не знаю, что именно. Вряд ли желание родить – у меня сейчас вообще никаких желаний нет. Но что-то чувствую точно. И это меня так смущает, мама! Стыд это, может?

– Ты сомневаешься, надо ли делать аборт? – помолчав, спросила мама.

– Да.

– Тогда рожай, – твердо сказала она. – Сомнения такого рода следует разрешать в пользу ребенка. – И, улыбнувшись, добавила: – А я-то, оказывается, очень вовремя вышла на пенсию. Все-таки в банальном высказывании «что ни делается, все к лучшему» есть великая сермяжная правда.

«Я не помню в своей жизни ни одного случая, когда мама ошиблась бы, – подумала Рената, открывая дверь квартиры. – Во всем она была права! И что Ирку надо рожать, и что любовь свою к Павлу, вечную и бессмертную, я вскоре забуду».

Ей в самом деле не верилось теперь, что все это – счастье видеть единственного мужчину, страстный восторг и такое же страстное горе – было когда-то с нею. Ушло все это, словно растворилось в белесом небе над Невой, и оставило после себя гармоничную, как стройные очертания Петербурга, сорокалетнюю женщину с именем экзотически холодноватым – Рената Флори. Может быть, она чужда теперь счастья, эта спокойная женщина, но ведь точно так же чужда она и горя.

И стоит ли в таком случае о никогда не бывшем своем счастье горевать?

Глава 9

– А-а-а!.. А-а-а!..

Так, над одной басовой ноте, кричала женщина во второй предродовой вот уже пять часов подряд.

– Доктор, Рената Кирилловна, да уберите вы ее от нас! – В голосе соседки по палате слышались слезы. – Тут самой на стенку хочется лезть, а тут еще она со своим воем! Первая ты на всем белом свете, что ли, рожашь? – сердито воскликнула она, повернувшись к кричащей женщине.

Та не ответила и даже не взглянула в ее сторону – лишь снова завела свою песню, в самом деле невыносимую.

Рената посмотрела ее, поняла, что матка раскрывается медленно, а значит, долго еще придется ее несчастным соседкам терпеть это изматывающее гудение.

– Не волнуйся, все у тебя хорошо, – сказала она женщине. – Скоро рожать пойдем.

Кажется, та ее не услышала, во всяком случае, кричать не перестала.

«Как можно настолько не иметь терпения?» – подумала Рената, выходя из палаты.

Сама она родила легко, несмотря даже на свой узковатый таз. Но это было так давно, что теперь казалось, будто бы и не с нею.

Она зашла в родзал, и как раз вовремя: акушерка сразу позвала ее к первому столу, потому что у Моисейцевой не отходила плацента. Такое бывало на Ренатиной долгой профессиональной памяти, наверное, уже сотни раз, но каждое осложнение она воспринимала как первое. И это тоже было профессиональное – не позволять себе привыкать к опасностям своей работы.

Об этом не принято было говорить, да Рената и представить не могла, как стала бы высказывать вслух подобные патетические мысли, но забывать о том, что каждую минуту отвечает за человеческие жизни, она не то чтобы считала для себя невозможным, но действительно не могла. И это не было каким-то ее исключительным качеством – точно так же не забывал об этом любой из тех, с кем она работала. За то время, что она была заместительницей заведующего и отвечала за всю врачебную деятельность, Рената добилась того, чтобы врачей с другими представлениями о своей работе в клинике не было.

И уж в чем она точно никому не призналась бы, это в восторге, который охватывал ее, когда очередные роды заканчивались благополучно и на руки акушерки или на ее собственные руки с булькающим, вот именно утробным звуком вываливался ребенок. Когда он начинал орать смешным скрипучим голосом, и так же смешно морщил личико, и шурил припухшие глазки... Рената просто физически чувствовала, как в этот момент изливается на нее такая мощная, такая светлая волна энергии, что каждый раз ей хотелось смеяться от неодолимого восторга.

Это не было ее выдумкой, а было чистой правдой. Не зря же, она давно это заметила, все врачи-акушеры до тех пор, пока продолжали работать, выглядели гораздо моложе своих лет.

И именно поэтому сейчас, выйдя из родзала уже в самом конце рабочего дня и даже много позже его окончания, она чувствовала себя не усталой, не вымотанной, а полной сил.

– Рената Кирилловна, бегите срочно в приемное! – Медсестра Леночка Тушина быстро шла ей навстречу по коридору. – Там женщину привезли, так она прямо на кушетке уже рождает!

Леночка работала недавно, поэтому подобные казусы еще казались ей исключительными. Рената же давно привыкла к тому, что роды могут произойти где угодно, хоть на пороге, хоть вообще на улице – либо по безалаберности роженицы, либо по непрофессионализму врачей, либо по не зависящим ни от кого физиологическим причинам.

– Давно? – спросила она, направляясь к лестнице, ведущей вниз, в приемное отделение.

– Да вроде только что начала.

– Почему наверх ее не поднимают?

– Очень быстро потому что рожает. Стремительные роды, – с ученым видом объяснила Леночка. – И что-то у нее не так.

Когда Рената спустилась в приемное, выяснилось, что роды у лежащей на кушетке молодой женщины в самом разгаре, а «не так» означает поперечное предлежание плода. При узком тазе, при других признаках явно неблагополучного здоровья роженицы – она была такая бледная, словно всю беременность провела в подземелье без воздуха и света, – Рената, конечно, не стала бы рисковать и сделала бы кесарево. Но рассуждать об этом сейчас было уже поздно.

Рядом с кушеткой топтался долговязый детина в куртке и в длинном вязаном шарфе – видимо, счастливый отец.

– Вы что здесь делаете? – бросила ему Рената. – При родах хотите присутствовать? Тогда снимите, по крайней мере, верхнюю одежду.

Больше она на папашу не смотрела: ей было совершенно не до него.

Роды оказались мало того что осложненными, так еще и преждевременными.

– Роженица сказала, что она на седьмом месяце, – доложил Витя Коробков, дежуривший сегодня в приемном.

Витя был интерном и, Рената видела, испугался такого нестандартного случая, впервые выпавшего на его дежурство.

Видимо, сказать ему обо всем этом роженица успела сразу же, как только ее привезли. Теперь она ничего уже сказать не могла, потому что была без сознания. Пожилая медсестра Одинцова вводила ей в вену иглу, а Лена Тушина закрепляла флаконы с лекарствами в штативе капельницы.

Все это было очень и очень нехорошо. Рената почувствовала у себя внутри тот холодок мгновенной сосредоточенности, который всегда возникал при ощущении серьезной опасности. И встречать эту опасность на кушетке в приемном покое было категорически нельзя, это было для нее очевидно. Да и не было теперь такой необходимости: родовая деятельность у женщины прекратилась, и понятно было, что вот-вот может прекратиться ее жизнь.

– Перекладывайте на каталку и быстро везите в операционную, – распорядилась Рената.

– А как же... – начала было Лена.

– Штатив бери, – оборвала ее Одинцова. – И делай что доктор говорит.

Когда Рената вышла из операционной, была уже глубокая ночь. Прооперированную женщину увезли в реанимацию, ее ребенка, слабенького, едва живого, поместили в кювез. Вот во время этих родов точно не было никакого выплеска положительной энергии; идя по коридору к ординаторской, Рената чувствовала только усталую опустошенность.

В конце коридора маячила долговязая фигура. Присмотревшись, Рената узнала того самого папашу, который попался ей на глаза еще в приемном покое. Вернее, не узнала, а лишь догадалась, что это он, по его приметной долговязости. Теперь он был без куртки, в халате и в бахилах. И было видно, что он совсем молодой – лет двадцати пяти, не старше.

– Что же вы жену до такого состояния довели? – вздохнув, спросила Рената. – Гемоглобин чуть не до нуля упал! Она у вас что, беременность в Крестах провела?

– Я не знал, что у нее есть беременность, – ответил парень.

В том, как он произнес, вернее, построил эту фразу, чувствовалась какая-то странность.

– Интересный вы человек, – пожала плечами Рената. – Как надо относиться к жене, чтобы не знать, что она на седьмом месяце беременности?

– Она не моя жена. Она моя актриса, – объяснил парень. – Она ничего не говорила про ее беременность. И сегодня ей стало плохо во время генеральной репетиции. И я привез ее в больницу. Как она себя чувствует? И ее ребенок?

– Пока ничего хорошего, – ответила Рената. – Она в реанимации. Ребенок жив, но тоже не слишком благополучен. Муж у нее есть? Или какие-нибудь родственники?

– Мне кажется, у нее нет мужа. – Парень смотрел на Ренату с высоты своего гигантского роста. Глаза у него были необычные – при темном их цвете почему-то казалось, что они светятся. – Но, я думаю, у нее должна быть мама.

– Я тоже так думаю. – Рената невольно улыбнулась. – Осталось только эту маму найти.

– Я это сделаю сегодня же, – кивнул он.

– Наверное, все-таки завтра. – Рената взглянула на круглые коридорные часы. – Без пяти двенадцать. Уже ночь.

«Давно надо было научиться машину водить, – подумала она. – Сейчас бы не высчитывала, успею в метро или не успею».

Это приходило ей в голову каждый раз, когда она задерживалась на работе. И каждый раз Рената потом понимала, что в таком вот состоянии, когда после сильной сосредоточенности ее внимание совершенно рассеяно, вряд ли она смогла бы сесть за руль. Так что машина ей ни к чему. Лучше взять такси.

А в нынешнем ее позднем возвращении домой имелась даже положительная сторона: можно было сразу позвонить в Нью-Йорк Ирке, узнать, не прибавилось ли у нее молока, и как там Сашка с Дашкой, что у них нового случилось за те три дня, которые прошли после предыдущего разговора.

– Езжайте домой, отдохните, – сказала Рената долговязому парню. – Завтра займетесь делами вашей актрисы.

– Да, – кивнул он.

И улыбнулся. От улыбки его глаза стали как янтарь. Ренате еще в детстве всегда казалось, что янтарь светится изнутри, и она всегда удивлялась, как такое может быть.

«Хороший мальчик, – подумала она, улыбнувшись про себя. – Даже удивительно, мне казалось, таких уже не бывает. Ну, привез роженицу в больницу, это еще кое-как, хотя тоже мог бы просто «Скорую» вызвать. Но еще и дождался ведь, пока она родит. А может, это все-таки его ребенок, просто он признаваться не хочет?»

Но слишком долго думать о постороннем человеке, пусть даже с такими прекрасными глазами, как у этого парня, ей совсем не хотелось. Все-таки она сильно устала. И, кивнув ему на прощание, Рената ушла в ординаторскую переодеваться.

Глава 10

Ночной ветер несся по Второй линии Васильевского острова, как по гулкой трубе, гудел и свистел, сжатый домами, и лишь где-то вдалеке, над Невой, наконец вырывался на свободу.

Ветер так яростно набросился на Ренату, как только она вышла из больницы, что ей показалось, сейчас он и ее понесет по этой трубе и швырнет прямо в холодную невскую воду.

Ну да для апреля это было обычно. Вечная ветреная питерская погода.

Рената подняла воротник пальто, до носа закуталась в шарф и натянула шляпку пониже на лоб. Шляпка эта из сиреневого сукна очень ей нравилась: во-первых, она плотно прилегала к голове и не могла поэтому улететь даже от самого сильного ветра, а во-вторых, было в ее мягких, опущенных вниз узких полях что-то позабытое, возможно, старомодное, но хорошего вкуса.

Рената перебежала через пустую, без машин и прохожих, улицу, тщетно пытаясь увернуться от порывов ветра.

– Вы позволите вас провожать? – вдруг услышала она.

И, подняв глаза, увидела все того же парня, который то и дело возникал в поле ее зрения весь сегодняшний вечер. Он стоял под фонарным столбом и сверху вниз смотрел на Ренату. И глаза у него светились, точно как лампы на столбе. Это было немножко смешно. Рената улыбнулась.

– Вы еще не ушли домой? – спросила она.

– Я как раз отправляюсь. Но я подумал, что мне надо вас провожать.

– Да нет, – пожал плечами Рената. – Совсем не надо. Я еще успею в метро. Или вы на машине?

Если он на машине, то это, конечно, было бы очень кстати. И никакой неловкости в том, чтобы посторонний человек потратил время на ее доставку домой, не было бы. В конце концов, она почти с того света вытащила его... Нет, не жену, а... Кто, он говорил, ему та женщина? Рената забыла, вернее, ей было не до того, чтобы разбираться в чужих родственных связях.

– Нет, я брал такси, – сказал он. – Тогда, когда привозил Елену в клинику. Мы можем взять такси и сейчас.

– Не стоит. Я еще успею в метро, – повторила она.

– Тогда пойдемте.

Он молча пошел рядом. Ренате показалось, что рядом с нею по улице идет дерево: он был очень высокий, и ветер гудел вокруг его головы, будто в древесной кроне. Она улыбнулась – она почему-то все время улыбалась, когда смотрела на этого человека.

Молчание в его присутствии нисколько не стесняло. Но Рената все же сказала:

– Вам, наверное, нелегко было привыкнуть к нашей погоде.

По манере строить фразы и по легкому акценту нетрудно было опознать в нем иностранца. Но – странно! – что-то неуловимо питерское чувствовалось при этом в его облике.

– Ничего-о, – ответил он. Слегка удлинненные гласные придавали его речи обаяние. – В Амстердаме погода похожая.

– Так вы из Амстердама! Тогда, конечно, вам привычна такая погода. Петербург строился под впечатлением от вашего города, вы знаете?

– Да, я это знаю, – серьезно кивнул он. – Ваш город получился очень красивый. Но совсем другой, чем Амстердам. Меня зовут Винсент.

– В честь Ван Гога?

– Просто в честь дедушки. Мои родители не знают искусство.

– Рената Флори.

– Это русское имя? – удивился он.

– Происхождения имени я не знаю. Может быть, что-то общеевропейское. А фамилия английская. Мои предки приехали в Петербург из Англии. Но это было двести лет назад, так что я с Англией уже никак не связана. Вам не холодно без шапки? – спросила она, глядя, как ветер яростно треплет густую светлую шевелюру на его голове.

– Нет. В Голландии никто не носит шапки.

– А что вы делаете в Петербурге?

– У меня здесь контракт. Я должен поставить спектакль.

– Да! – наконец вспомнила Рената. – Вы же говорили, что та женщина ваша актриса. Значит, вы режиссер?

– Да.

– И что же вы ставите?

– «Братьев Карамазовых».

– А в каком театре?

– Возможно, вы не знаете этот театр. Он очень маленький. Но в нем работают хорошие актеры. В России вообще хорошие актеры. Это театр «Петроградская сторона».

– Я слышала... Кажется, – неуверенно сказала Рената.

Студенткой она бывала в театре часто, хотя учеба в Первом медицинском мало оставляла свободного времени. И потом, много лет после института, хотя бы раз в месяц брала билеты в БДТ, или в Театр комедии, или в Мариинку. А потом желание бывать в театре стало у нее ослабевать, и сразу как-то оказалось, что и времени на это все меньше, и все меньше сил...

Теперь, в разговоре с этим голландским режиссером, Ренате стало стыдно за такое свое равнодушие. Хотя чего ей вообще-то стыдиться? Мало ли чем занимаются люди! Невозможно ведь интересоваться всем на свете ради того, чтобы пристойно выглядеть во время случайного разговора. Даже если этот разговор по какой-то непонятной причине согрел тебе душу.

– Это действительно совсем маленький театр. И совсем новый, – словно оправдываясь за то, что Рената не знает его театра, объяснил Винсент. – Его главный режиссер учился в Амстердаме. Мы с ним вместе учились, и он мой друг. А его папа богатый человек, и он дает не очень большие, но все-таки достаточные деньги, чтобы можно было поставить спектакли в этом театре «Петроградская сторона». И Андрей, так зовут моего друга, пригласил меня, чтобы я поставил у него «Братьев Карамазовых».

– И кого же играет в вашем спектакле та женщина? – спросила Рената. – Та, которую вы к нам привезли?

– Катерину Ивановну.

Рената читала «Братьев Карамазовых» так давно, что не помнила, что это за Катерина Ивановна такая. Но имя показалось ей знакомым, и она неопределенно протянула:

– Да-а... Не второстепенная роль. Похоже, вам придется ее заменить. Она не скоро сможет выйти на сцену.

– Я не буду ее заменить. – В голосе Винсента послышались упрямые нотки. – Она талантливая актриса, и она очень хотела играть эту роль. Я думаю, она поэтому не говорила мне, что беременная. Чтобы сыграть премьеру.

– Все-таки это безобразие, – сердито сказала Рената. – Если женщина решила иметь ребенка, то в первую очередь должна думать о нем, а уж потом обо всем остальном, в том числе и о самой распрекрасной премьере. И питаться она обязана так, чтобы у ее ребенка текла по жилам кровь, а не вода.

– Да, это получилось нехорошо, – сказал Винсент.

Его голос при этом снова прозвучал виновато. Как будто это по его личному недосмотру у актрисы оказался низкий гемоглобин.

Взглянув на него, Рената увидела, что и выражение лица у него тоже виноватое.

– Ладно, не переживайте, – успокаивающим тоном сказала она. – Это все наладится – назначим капельницы. И гранатов ей побольше приносите. То есть не вы приносите, а... Ну, если кто-то будет к ней приходить.

– Я принесу, – кивнул Винсент. – Мы все будем навещать Елену. Надеюсь, ее здоровье станет лучше.

Серьезность его тона была трогательна и очень как-то необычна.

«А может, ничего во всем этом нет необычного? – подумала Рената. – Может, таких вот людей – вдумчивых, серьезных, каких-то повседневно серьезных – теперь много, а просто я об этом не знаю? Я ведь действительно даже в театр не хожу. Дом – работа – дом... Ничего я теперь ни про что не знаю!»

Глава 11

Петроградскую сторону Рената любила уже за то, что здесь находился Первый медицинский институт, а значит, местность эта была связана для нее с годами учебы, то есть с лучшими воспоминаниями юности. Но главное, ей нравилась не петербургская какая-то разбросанность, непредсказуемость здешней архитектуры, ее живая асимметрия. И то, что едва ли не все угловые дома представляют собою замки с башенками, и то, что на речных берегах, не одетых в гранит, можно сидеть как в деревне, и так она когда-то и сидела на этих берегах в студенческие годы, уткнувшись в конспект, ничего из окружающей красоты не замечая... Впрочем, обычная для Петербурга стройность, которой присуща была главным здешним проспектам, Кронверкскому и Аптекарскому, ей нравилась тоже.

Только давно она здесь не была, на Петроградской стороне.

Поэтому теперь, идя рядом с Винсентом по Кронверку, Рената чувствовала себя так, словно вернулась в свой город, знакомый до слез.

– Новикова очень хорошо Катерину Ивановну сыграла, – сказала она.

Спектакль «Братья Карамазовы» закончился всего час назад, и Рената еще находилась под сильным от него впечатлением.

– Правда? – Сразу стало заметно, что Винсент обрадовался: лицо его осветилось. – Значит, вы думаете, я не напрасно задержал премьеру до ее здоровья?

– Не напрасно.

Невозможно было не улыбнуться чистоте его радости, и Рената улыбнулась.

– Все-таки ее здоровье еще не очень хорошо. – Так же мгновенно, как радость, набежала на его лицо тень. – Когда я сегодня вошел к ней в гримерную после спектакля, она лежала на кушетке и даже не могла подняться. Она даже не могла выйти на поклонны.

– Что поклонны! – хмыкнула Рената. – Она даже ребенка своего не стала кормить. Правда, у нее и молока с самого начала почти не было. Что неудивительно. Такая вот принесена жертва ради возможности работать с вами, – добавила она неодобрительным тоном. – Вы можете гордиться самоотверженностью своей актрисы, Винсент.

– Вам это выглядит неправильно?

Он взглянул искоса и, кажется, виновато.

– Это ее личное решение, – пожала плечами Рената.

– Но вам такое решение не нравится, да?

Приостановившись, он смотрел на Ренату испытующим взглядом. При его огромном росте это могло бы выглядеть подавляюще, но взгляд его исключал самое предположение о том, что он может кого-то подавлять.

– Не нравится, – подтвердила Рената. – Это, конечно, выглядит очень эффектно – жертва во имя искусства и прочее в таком духе. А ребенок, безусловно, не так эффектен, и родить его дело нехитрое. Но по сути...

Что «по сути», договаривать она не стала. В ее арсенале не было слов, которыми можно было бы объяснить такие вещи.

– По сути, вы правы, – сказал Винсент. – Но знаете...

Он тоже замолчал. Они стояли друг напротив друга в самом конце Кронверка, у ограды парка, волны вечернего апрельского воздуха накатывались на них из-за деревьев, они тревожили, эти волны, но в приносимой ими тревоге была необъяснимая радость, которую Рената чувствовала сама и чувствовала, что ее же чувствует и Винсент... И непонятно было, много ли значат при этом слова, которые они передают друг другу с какой-то бережной поспешностью.

Может быть, слова не значили ничего. Но все-таки Рената нарушила молчание.

– Вы думаете, я не сумею понять то, что вы хотите сказать? – спросила она.

– Нет, я так не думаю. – Винсент улыбнулся своей серьезной улыбкой. – Я знаю, что вы сумеете понять все. Я сейчас думаю только, чтобы правильно выразить свою мысль по-русски. Да, вот так... Мне кажется, – твердо сказал он, – то, что вы назвали жертвой иронически, все-таки и есть настоящая жертва. И способность ее принести вызывает у меня уважение.

– Способность пожертвовать здоровьем своего ребенка?

– Нет. Понимать, что, если ты стала актрисой, это получилось не просто так. Не для обычного каприза. Это было решение, может быть, страшное. Я думаю, это надо честно понимать. Но не все умеют это понимать. Знаете, – снова улыбнулся он, – я недавно слышал, как молодая актриса давала интервью и сказала: «Как только я узнала про мою беременность, то позвонила режиссеру и сообщила, что не поеду завтра на гастроли в провинцию, потому что это может быть неблагоприятно для здоровья моего ребенка». И еще она сказала в интервью, что, возможно, когда-нибудь ей надоест играть на сцене, и тогда она станет ландшафтным дизайнером. Так тоже бывает у актрис, – словно извиняясь, объяснил он. – И это, конечно, рационально – думать о своем будущем. Но мне это очень противно. И когда я был в Москве в таком доме, где живут старые актеры, которые не захотели иметь семью и детей, потому что всю свою молодость и жизнь они хотели только играть на сцене... Может быть, они были не правы и можно было играть на сцене, но все-таки иметь семью. Но такой выбор, который сделали они, вызвал у меня больше уважения, чем тот выбор... Ландшафтный дизайн. Вы думаете, я не прав?

И в голосе его, и во взгляде снова мелькнули извиняющиеся интонации, отблески. Рената почувствовала, что сердце ее тонет в его взгляде и голосе. Это было такое неожиданное и такое странное ощущение, что она растерялась.

Но молчать в ответ на его простой вопрос ей все-таки было неловко.

– Я не знаю, Винсент, – глядя снизу вверх в его серьезные глаза, сказала Рената. – Я ведь живу совсем в другом мире. Он очень обыкновенный, мой мир. Он просто обыденный, и я это прекрасно понимаю.

Обыденность своей жизни Рената в самом деле сознавала ясно, хотя не стала бы утверждать, что такая обыденность явилась результатом ее сознательного выбора. Да нет, как-то само собой давным-давно получилось, что вот она работает, вот растит дочь, и чем большего она достигает в своей профессии, и чем взрослее становится дочь, тем больше времени, больше сил требуют оба эти главных процесса ее жизни. Рената даже не заметила, когда же эти два процесса заполнили всю ее жизнь, стали единственным ее содержанием.

Жизнь лишь изредка и ненадолго поворачивалась к ней какой-нибудь неожиданной стороной, да и не поворачивалась даже, а лишь мелькала. И только во время этих кратких промельков Рената так же кратко ее, жизнь свою, видела со стороны.

Она вдруг вспомнила, как однажды, лет десять назад, когда наконец собралась показать десятилетней Ирке столицу, столкнулась в кассах Московского вокзала со знакомой. Знакомая была из тех, кого называют шапочными – виделись несколько раз в гостях у общих друзей; Рената с трудом вспомнила ее имя – Наташа.

Наташа встрече обрадовалась: накануне зимних каникул очередь в кассу была длинная, и ей, наверное, кстати показалась возможность скоротать время за болтовней.

Рената предпочла бы выстоять очередь молча, но выказывать это постороннему человеку было как-то неловко. Тем более что Наташа и не требовала от нее активной беседы – в основном говорила сама и с удовольствием.

– Вы на какой поезд берете, на «Красную стрелу»? – сразу поинтересовалась она.

– Нет, – ответила Рената. – На какой-нибудь попроще.

– Да, «Красная стрела» стала безумно дорогая, – вздохнула та. – Но я все-таки на нее всегда беру. Не могу себе в этом отказать. Как-никак лучшие воспоминания молодости с ней связаны.

– Какие?

Нельзя сказать, что Ренату интересовали воспоминания Наташиной молодости, но из вежливости она об этом спросила – видела, что Наташе не терпится ими поделиться.

– Да чудесные, какие же еще! Я ведь тогда хорошенькая была, просто как ангелок. – Наташа сделала паузу, легким движением поправила упавший на лоб светлый локон. Не дождавшись от собеседницы дежурного комплимента, она продолжила: – Вся богема была без ума – писатели, художники. Ни одни посиделки без меня не обходились! А тогда ведь, вы помните, зланные заведения с вечерними петухами закрывались – еще ни вдохновенные разговоры не закончены, ни великие планы друг другу не изложены, ну и романы сумасшедшие тоже... В общем, мы ехали на вокзал, к «Красной стреле», и продолжали общение в вагоне-ресторане. Туда в те времена без билета пускали.

– Но сколько же можно было в вагоне-ресторане сидеть? – Ренату наконец заинтересовал этот разговор. – Поезд ведь за полчаса до отправления подадут.

– А мы оттуда и не выходили! – радостно воскликнула Наташа.

– Как?

– Да очень просто! Спокойно могли вместе с поездом уехать. День потом в Москве болтались, а вечером той же «Красной стрелой», в том же вагоне-ресторане обратно. Кто в молодости не был безрассуден? – со смехом добавила она.

Рената промолчала. Отчасти, конечно, потому, что вопрос был риторический. Но больше по другой причине...

Она не была безрассудна ни в молодости, ни даже в ранней, самой первой юности. И стоило ли удивляться, что безрассудство не стало ей свойственно в зрелые годы? Не стоило, конечно, этому удивляться.

Но отчего же охватила ее вдруг такая печаль, что чуть слезы из глаз не хлынули? Почему вся ее жизнь, которая всегда казалась ей совершенно правильной, да не казалась, а такой и была, предстала перед нею какой-то однообразной равниной, где не за что зацепиться ни взглядом, ни чувством?

Тогда, десять лет назад, этот разговор долго тревожил ее голову и сердце. А теперь он лишь мелькнул коротким воспоминанием. Как будто птица пролетела в ночном лесу у самой головы и почти коснулась крылом щеки, но ведь только почти...

Рената встряхнула головой, отгоняя это непрошеное виденье.

– Видите, какой дом загадочный? – стараясь, чтобы голос звучал бесечно, сказала она.

– В том парке? – Винсент проследил за ее рукою таким взглядом, что Ренате показалось, будто от ее руки протянулась в самую глубину парка завораживающая нить. Она даже будто бы блестела, эта нить, от того, что Винсент смотрел на нее. – Да, я его заметил. Но у меня до сих пор не было времени пойти туда и узнать, какая загадка находится в том доме.

И снова он словно бы извинялся перед Ренатой, на этот раз за свое нелюбопытство. Она улыбнулась.

– Там находится просто Институт ортопедии, – сказала она. – Ничего загадочного. Но здание красоты необыкновенной. И панно на нем необыкновенное, майоликовое. Его «Мадонной с фиалковыми глазами» называют. Хотя это как-то пошло-ва-то звучит, на мой вкус.

Кажется, он не совсем понял ее слова. Наверное, просто не знал, что означает «пошло-ва-то». Но Ренате вдруг показалось, он не понял ее слова потому, что ему неважен был их смысл. Только движение ее губ – он так смотрел на ее губы... Она смутилась, и смешалась, и отвела глаза, не зная, что сказать.

– Если хотите, можем по парку пройтись, – поспешно сказала Рената. – Там красиво. И эта Мадонна из майолики, и грот еще есть... Каменный, – зачем-то пояснила она. – Можно их посмотреть, а потом к речке спуститься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.